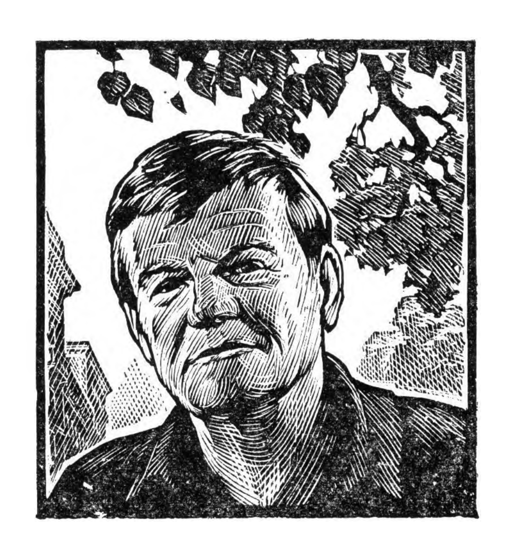
ПОЭТИЧЕСКАЯ РОССИЯ

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Стихотворения

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1987

Р2
М29

Вступительная статья **В. В. Дементьева**

Составление **Г. А. Суховой-Мартыновой**

Художник **Е. В. Бекетов**

Гравюра **Н. И. Калиты**

Мартынов Л. Н.
М29 Стихотворения/Вступ. ст. В. В. Дементьева; Сост. Г. А. Суховой-Мартыновой. — М.: Сов. Россия, 1987. — 336 с., 1 л. портр.— (Поэтическая Россия).

В книгу известного советского поэта Л. Н. Мартынова (1905—1980) вошли избранные стихотворения, написанные им в разные годы.

Поэзия Леонида Мартынова неразрывно связана с нашей эпохой. Гордость за свое время, своего современника, идущего непроторенными путями, проникновенный взгляд в будущее составляют стержень его поэтического творчества.

М $\frac{4702010200-261}{М-105(03)87}$ 200—87 Р2

УЗЕЛ БУРЬ

(Леонид Мартынов. 1905—1980)

1

Леонид Мартынов первые стихотворения опубликовал в 1922 году в ряде омских изданий. И написаны они были в духе творческих поисков поэтов-будетлян, как тогда,— с легкой руки Велимира Хлебникова,— именовали себя футуристы. Последние прижизненные публикации Мартынова относятся к 1980 году. Как видим, поэт прожил долгую творческую жизнь. Но его путь в поэзии далек от неуклонного восхождения вверх — от формотворчества к вершинам реализма. Даже на самых первых порах для него уникальным средством познания и изображения человека и окружающей среды была поэзия. Большую роль в этом познании, в этом исследовании жизни играла творческая фантазия художника, его способность «домысливать» явления действительности. Причем эта способность включала в себя и его обширные познания в различных областях искусства, науки, техники. Ведь жизнь неуклонно развивается, она стремится вперед, и то, что «было мечтами когда-то — ныне зримо и въявь ощутимо». Это и есть реальное подтверждение неуклонного — нередко с узлами потрясений, — развития жизни, ее хода вперед. Кроме того, Мартынов считал, что поэзия выявляет в человеке самую характерную, самую человеческую способность — способность фантазировать, творить, созидать. Эта способность проявляется не сразу, но она заложена в каждой личности, в каждом человеке. Поэзия формирует эту целеустремленность, равно как и чувство красоты и гармонии. Ибо когда в нашу повседневную жизнь вмешивается чудо искусства, то горизонты жизни «делаются шире от этого у каждого из нас...».

Итак, цели поэзии сложно-ассоциативной, какой и является поэзия Леонида Мартынова, поэзии «перевоссоздающей» привычный облик бытия, открывающий его новые грани, в конечном счете те же самые, что и у поэзии «воссоздающей», «отражающей» нашу действительность,

Вот почему можно сказать, что поэтическая держава, которую основал в русской советской поэзии Леонид Мартынов, в его лице имеет и строителя-практика, и теоретика-ученого. Конечно, взгляды поэта на роль и назначение искусства в жизни человека с годами развивались, эволюционировали, но исходные положения его творческой программы, как уже говорилось, отчетливо просвечивают даже в его юношеских стихах и поэмах.

Л. Мартынов исходил из убеждения, что способность к «сотворчеству» со стороны читателей непрерывно возрастает; и как бы ни были «странны» или «непонятны» поначалу стихи поэта, читатель должен быть активным, он должен верить, что поэт и «странен» и «непонятен» для поверхностного взгляда, для спящего воображения. Он ставил перед собой задачу будить «дремлющие чувства» других, взывать к их воображению, вселять уверенность, что если что-нибудь сейчас и непонятно, то в будущем оно станет каждому ясным и очевидным. И он настойчиво звал других в завтрашний день, в некую даль, как тот пришлый человек, что игрой на волшебной флейте звал за собой в чудесную «страну Лукоморию» обитателей коммунальных квартир.

Иногда почему-то принято считать, что Леонид Мартынов — классический поэт-затворник, задернувший шторы на окнах своего рабочего кабинета и отрешенный от бурных событий эпохи. Факты биографии Мартынова свидетельствуют совсем об ином.

Леонид Николаевич Мартынов родился в Омске в 1905 году в семье гидротехника-путейца. Его раннее детство прошло в служебном вагоне отца, переезжавшего с места на место или подолгу стоявшего среди прииртышских степей и пустынь. Воображение мальчика рисовало какие-то фантастические прерии, превращало обыкновенных пастушеских псов в царей пустыни — львов, а отары овец — в стада антилоп... Из этих эпизодов видно, что он в раннем детстве обладал пылким воображением, к тому же был неутомимым книгочеем. Правда, его обучение в классической гимназии окончилось довольно быстро: грянула Октябрьская революция, и во всех областях жизни произошли глубокие перемены. Подросток восторженно встретил их и вскоре написал стихотворение

«Циклон», в котором восславил «революционные небеса», вставшие над Сибирью.

Вот так, с коренного обновления бытового и жизненного уклада начиналась юность поэта. Его молодость совпала с годами первых пятилеток, с индустриализацией всей страны. Несколько раз Леонид Мартынов — тогда молодой журналист — то на лошадях, то пешком пересек южные степи по трассе будущего Турксиба. Он исследовал экономические ресурсы Казахстана, побывал на строительстве первых совхозов-гигантов, совершил агитационный перелет на самолете над Барабинской степью. И всегда его увлекали идеи необыкновенные, замыслы странные, пути нехоженые. Так, например, между Обью и Иртышом он искал мамонтовые бивни, в предгорьях Алтая — какие-то особые лечебные травы, а в городе Тобольске — древние рукописные книги.

Вообще в жажде путешествий и исканий он не знал предела. Эта жажда, эта страсть к незнаемому все чаще влекла его в страну Лукоморию, о которой он прочитал в летописях и исторических хрониках. Прочитал — и запомнил на всю жизнь. Эта страсть лишала его покоя и непритязательного уюта, она заставляла его пребывать в том особом состоянии, которое сродни первой юношеской любви. И не случайно спустя много лет в сборнике, весомо и символически названном «Земная ноша», поэт-первопроходец сказал: «Поэзия — не что иное, как похождение шальное...» Если расшифровать эту строку, перевести на понятийный язык, то легко прийти к выводу, к которому пришел и сам Мартынов: поэзию и жизнь, поэзию и молодость роднит что-то непредсказуемое, «шальное», что-то такое, что «еще никогда не бывало». Этому ощущению поэзии как неизведанной дали — временно́й и пространственной — Леонид Мартынов был верен до конца дней своих.

Из всего сказанного можно составить совершенно определенное мнение, что Мартынов как поэт — явление особого склада и характера. И это мнение будет подлинным, правдивым. Ведь в его многочисленных сборниках стихотворений и поэм, в его книгах лирической прозы и в книгах переводов так удивительно неповторимо, так счастливо сочеталась обнаженная сила самовыражения с эпической мощью ищущей, обобщающей мысли. Точно

так же, как чуткость к повседневным, будничным, обыкновенным делам и заботам современников обогащалась историзмом понимания этих — на поверку! — отнюдь не повседневных, отнюдь не будничных дел и забот. А как часто за тяжеловесной медлительностью стиха или, наоборот, за его вихреобразным взлетом у Мартынова скрывалось юношеское ликование, душевное торжество, пронесенное сквозь годы, сохраненное вопреки всем бедам и мытарствам. Вот так постепенно, но неуклонно вырисовывался в его поэзии монументальный образ «Октября в распахнутой шинели», утверждалась «буйная участь» его поколения — поколения энтузиастов, мечтателей, новаторов по природе своей. Как приметен был у него тот «ноябрьский снежок», который позволял поэту воскрешать в памяти атмосферу первых лет революции, ее победную поступь, высокий накал ее страстей. Его речь — скупа, сжата, точна: и ритмическим строем, и лаконичностью, и своей наглядностью — всем, всем она напоминает революционные лозунги и призывные заголовки «огненно-пылких» изданий, броские «шапки» газет. Мартынову было важно достичь предельной убедительности, даже — документальности в увиденном и пережитом, особенно тогда, когда он обращался к молодежи Страны Советов, к новым поколениям, к тем юнцам, которые знали о прошлом из рассказов старших или из прочитанных книг, для которых Октябрь был историей, равно как историей была и Великая Отечественная война.

Вот почему он взывал к воображению, к способности представить все, как это было, представить наяву и воочию.

Вообразите
Оторопь всесильных
Вчера еще сановников надменных,
Вообразите возвращенье ссыльных,
Освобождение военнопленных...

Революция для Мартынова была всенародным ликованием, она была прекрасна «вольным и дальным полетом» в грядущий день. Но чтобы показать этот грядущий день, поэт должен был показать преображение России деревянной, санной и свечной в Россию индустриальную. И он это показал. Он показал, откуда что пошло, он двигался к началу века, к тому исходному рубежу,

когда «тресты и картели вертели, как хотели, всю эту карусель», называемую Россией царской, Россией романовской. Эта дореволюционная Россия, как можно было убедиться не раз, вызывала в нем чувства сложные, противоречивые, в которых, однако, не было ни умиления стариной, ни огульного охаивания дедовских порядков.

Я не славянствую, не иноземствую,
И не дворянствую я, и не земствую.

Россия была дорога поэту неповторимостью исторического пути, многовековой борьбой народа за национальную независимость, была дорога живой природой, искусством, живописью, литературой, обликом и душевным складом людей, населяющих ее необъятные просторы. В этой стране, в этой России поэт жил «не по описи, не по прописи» — это его родина, страна его отцов. При всем том поэт трезво оценивал все, что напластовалось в жизненном укладе перед Октябрем семнадцатого года, что было величием и унижением России, ее гордостью и ее бедой. Вспоминая гимназические годы, совпавшие с созреванием революционной ситуации в России, с первой мировой войной, вспоминая эшелоны военнопленных, проходивших через Омск, он писал:

Там вдали, в глуши, в Сибири,
На народ смотрел народ —
В представлениях о мире
Назревал переворот...

Переворот, происходивший в умах и душах воюющих народов, утверждал интернациональное братство людей труда, высоко взвивал знамя интернационализма. Поэт присягал на верность этому знамени, на верность революционным завоеваниям Октября. Он пел свободное человечество, свободное от расовых и социальных распрей. И тем самым в своей лирике Мартынов обнажал корни советского первородства, раскрывал черты новой личности, которая проявлялась в его стихах разнообразно, но всегда несла в себе заряд общественных и эстетических пристрастий поэта.

И не только в природном мире, но в мире человеческих отношений, в мире социальном поэт отрицал какой-либо момент неподвижности, стабильности, покоя. Наоборот, каждый конкретный миг нередко становился завязью новых перемен и потрясений, стано-

вился новым «узлом бурь»... Стоит вспомнить знаменитые строчки о Неподвижности, которая «громоздилась, точно туча грозовая» и которая внезапно рассыпалась, «не тронув даже колос молодого урожая». Это — с одной стороны. А с другой — стоит вспомнить, что даже своего лирического героя Мартынов называл «смерчевидный человек»; он вкладывал в это определение всю свою веру в вихреобразное устройство и Человека и Вселенной. Да, поэт сильного и пылкого воображения, Мартынов органически не принимал застылости форм, он всюду видел обновление и спиралевидное развитие живой жизни и живой природы.

2

Если определить «внутреннее мощное пыланье», которое составляет душу поэзии Мартынова, то им будет развитие, движение, порыв. Поэт различает разнообразные формы непокоя и в самой природе, и во Вселенной, и во всех областях человеческой деятельности. Причем перемены, происходящие повсеместно, чреваты переходом из одного состояния в другое. «Весна стояла затяжная» — так медлительно, словно бы нехотя начинаются его стихи. И вот перед нами возникает зрительный образ этой затяжной весны, ее непомерная протяженность во времени и пространстве: весна была похожа на лыжный след, который все тянется и тянется по снежной глади, «когда исчезнет, сам не зная». Затем, словно удар в колокол, словно сигнал к отправлению, следует решающее «но». Рисунок стиха резко переменился — одна деталь сменяет другую, уже «листва деревья покрывала поспешно со всего размаха», уже на циклопической арене земли яблони, «как кони в пене, встав на дыбы, так и остались...». Следует мгновенное равновесие противоборствующих сил, чтобы разрешиться торжествующей концовкой стиха: «И сразу наступило лето!»

К этим переходам из одного качества в другое, к этому контрасту между статикой и кинетикой Мартынов прибегал охотно и часто. В своих обращениях к природе он выявлял все виды энергии — от легкого дуновения ветерка до вихря, бури, тайфуна, шквала, от мертвенного покоя снегов до бурного половодья рек. В развернутых метафорах и заключено, как в оболочке ядро, ос-

новное содержание стихотворений. Мартынов одухотворял мир живой и неживой природы в развернутых метафорах и тропах: при помощи их он вводил читателей в круг технических завоеваний нашего времени. Иначе сказать, эти метафоры и тропы не просто очеловечивают, но и, условно говоря, «технизируют» вечные явления природы.

...Вот над полями промчался вихрь. Он мгновенно напомнил поэту о том, что связано с существованием человека, что вошло в его плоть и кровь, что стало его вторым «я» — с техникой XX века. Этот пылевой вихрь промчался так, «как будто бы, поджав стальные крылья, какая-то промчалась эскадрилья и, глухо взвыв, за горизонтом скрылась...». Где-то в Рузе и в Тарусе в предрассветной луговой дреме смерчик «пронесся мимо, как мотоциклист»: «И взлетит от грома/Мошек целый рой,/Как с аэродрома, /С дремы луговой!»

Стая голубей взмывает вверх и сверкает стальным опереньем, словно звено сверхзвуковых самолетов. Море под прожекторным покровом «рычит ночами реактивным ревом». Таких примеров можно привести множество. Они не только приближают лирику природы к современному восприятию, но и характеризуют все убыстряющийся ритм нашей жизни.

Заряд жизненной мощи, который, по словам Новалиса, и определяет эстетическое величие художника, никогда не иссякал в поэзии Мартынова. Этот заряд вселял сознание, что ни при каких обстоятельствах не следует обкрадывать себя, а следовательно, и всех других, что надо побеждать эти обстоятельства, вставать выше их, подчинять их своей творческой воле. Поэтому-то он и говорил: «Хотя задача эта нелегка, но я возьмусь...» И брался за разрешение самых сложных задач, стоявших перед искусством поэтического слова.

Еще Лейбниц сказал: настоящее обременено прошлым и чревато будущим. Настоящее всегда чревато будущим — вот основа той поэзии, в которую с юношеских лет пылко уверовал Мартынов. Потому-то в его лирическом самовыражении и был момент наивысшего подъема душевных сил, момент творческой одержимости, даже экстаза, которого никто из других не мог видеть.

Ведь непросто прозреть завесу времени, ощутить «грядущее въявь».

Но опять-таки услышать «зов будущего», как сказал другой поэт, различить его в гудках автомашин и в сиренах тепловозов, в реве турбин реактивных самолетов и в громе взлетающих ракетных систем возможно лишь в том случае, если художник обладает пылким воображением. А что такое воображение?

В стихотворении «Дар воображения» (1970) Мартынов, по существу, воссоздал свой творческий путь с того самого дня, когда стал печататься в омских газетах «без подписи, петитом, нонпарелью». Позднее он брался «за оформление автобиографий орденоносцев сельского хозяйства», еще позднее — писал краеведческие заметки. Но и тогда он не боялся безвестности своего творческого существования, но и тогда он твердо верил и знал, что он — участник великого преобразования жизни, «упорный борец за становление Советской власти».

Вообще для Мартынова жить — значило быть обладателем творящего разума и деятельной фантазии, деятельной мечты. Почему-то в его творчестве воображение играло ни с чем не сравнимую роль. Воображение всегда многократно усиливало его переживания. И читатель, обжигаясь пламенем его воображения, шел по горячему следу его стихов, одно твердо зная: воображение поэта свершает чудо! Оно не походит на наглядные картинки, которые складываются из отдельных цветных кубиков. Нет, его воображение — это можно прямо сказать — предвосхищение реальности! Ибо реальность в его стихах становилась какой-то иной, более яркой, более ослепительной, более космичной. Ведь у Мартынова совершенно отсутствуют описания природы, зарисовки природы, этюды природы. И хотя все, что существует в стихах поэта, существует и в реальности, но существует, может быть, в частностях, в деталях. И только его стих дает нечто законченное, завершенное, становится предвосхищением твоего видения мира, твоих переживаний, твоих чувств.

Устав
От дрязг
Стальных колес

И рева сопл с небес,
Я радовался:
Удалось
Уединиться в лес.
Но столь роскошно
торжество
Безмолвия в лесу,
Что показалось мне:
Его
Я не перенесу.

В чтении самого Мартынова эта последняя строка произносилась не просто по слогам, а на каком-то затаенном, как будто бы даже безмолвном крике. И можно было сразу же почувствовать, что это небольшое стихотворение предвосхищает и нашу встречу — встречу современного человека с живой природой, — и такую, которая была, и такую, которая, возможно, произойдет в ближайшие годы.

Конечно, почитателям классических строф об «усталой нежности природы», о вечерних «трелях соловья» эти стихи могут «не показаться», не удовлетворить их, — ведь они созданы не на принципах «картинности» или «лицезрения», а на принципах прозрения, на принципах предвосхищения нашего восприятия мира. Как раз эти принципы и были основополагающими в зрелой лирике поэта.

3

Красота, — это отметил еще Шиллер, — есть завершение человека, который воплощается в искусстве кисти, резца, слова, движения. И благодаря единству содержания и формы, случайности и необходимости, отчуждения и свободы получает свое действительное духовное завершение.

Для Леонида Мартынова такое понимание прекрасного в поэзии не было чуждым или внутренне неприемлемым. Напротив, он стремился выразить ту красоту, которой завершается человек, но своими средствами, своими приемами. Ведь аксиомой следует признать факт, что его мировосприятие достаточно определенно

отличается от мировосприятия многих современных поэтов. В чем тут дело? А в том, что глубинное понимание красоты и человека и «жизни живой» Мартынову открывалось в «далековатой», а подчас и «наоборотной» сумме различных впечатлений.

Вот герой одного из его стихов — землепроходец, первооткрыватель, ученый-гидролог. В поисках подземных вод, невидимых глазу сокровищ он опирается на дерзкую фантазию, интуицию, а между тем его

...Считали фантазером,
Который вечно ходит вброд
По испарившимся озерам,
Все делая наоборот.

Запомним эту фразу — «все делая наоборот», — ибо она является ключевой в творчестве поэта. Обыденному сознанию поступки и действия землепроходца кажутся странными, даже нелепыми, — он собирает обыкновенные камни и подолгу разглядывает их. На деле же этот странный человек собирал образцы камней с отпечатками рыбьих плавников и окаменевших моллюсков и по этим приметам ясно видел, что здесь, в глубине пустыни, «кипят подземные моря», что пройдет какое-то время, — и вместо солончаков зашумят зеленые сады, возникнут водохранилища, мелькнут паруса яхт. То есть миру явится новая красота новой жизни, природы и человека. Абсурдность действий и поступков оказалась мнимой, и именно он — чудак и фантазер, — не терял представления «о будущем своей земли».

Уже один этот пример показывает, что все «вечные» темы лирической поэзии — темы природы, жизни, смысла человеческого существования, назначения человека, его тревоги, страха, чувства вины, — Леонидом Мартыновым решались так, как до него, пожалуй, еще не решались в русской советской поэзии. Мартынов торопился рассказать о том, как богата жизнь чудесами, как всесильно искусство человеческого слова, он торопился уверить и себя и других в том, что

В грядущем — потому и ждешь его! —
Мы существуем временами.

Он постоянно смещал привычные понятия и обновлял при-

вычные образы, чтобы через эти смещения, через эти метаморфозы реалий громче прозвучал голос самой действительности. Вот почему в его стихах

...своевольничает речь,
Ломается порядок в гамме.
И ходят ноты вверх ногами,
Чтоб голос яви подстеречь.

Непрерывно экспериментируя, отыскивая слово, которое способно передать все оттенки такого сложного и такого необычайного ви́дения мира и философствующего чувства, поэт в конце концов всегда улавливал этот «голос яви», этот призыв «жизни живой».

Как уже говорилось, в своем отношении к поэзии, к художественному творчеству Мартынов доходил до полного самоотрешения, до подвижничества. Взять хотя бы его переводческую деятельность. Мало того, что им заново и почти полностью переведены все наиболее значительные произведения классика венгерской литературы Шандора Петёфи, а вслед за ним — стихи, поэмы, драмы Мадача, Эндре Ади, Йожефа Аттилы, Антала Гидаша, Дьюлы Ийеша, Мартынову принадлежат прекрасные переводы с польского — Мицкевича, Ю. Словацкого, Пшибося, Важика, Яна Кохановского, Тувима, с чешского — Яна Неруды, с испанского — Пабло Неруды, с итальянского — Квазимодо, с французского — Артюра Рембо... Перечень необходимо оборвать, ибо было как-то сказано, что из одних лишь переводов Мартынова можно было бы составить целую библиотеку. Невольно вспоминаешь слова Александра Блока, который, имея в виду Ап. Григорьева, сказал, что большинство его переводов ярко созвучно с его душою, несмотря на то, что он часто работал по заказу. А это — один из признаков истинного художника.

Да, таких признаков истинного художника мы находим в творческой практике Мартынова великое множество. Например, для него любой повод был хорош: вычитанная из книги частность, увиденный в жизни закатный луч, фраза, услышанная в городской толпе, — все таило в себе обещание художественного совершенства, все приводило в действие воображение, вновь и вновь звало к письменному столу.

Но чтобы воплотить эти «миги времени» в стихи, в новеллы, в новый стихотворный перевод, Мартынов должен был мыслить необычайно масштабно, он должен был иметь свою дистанцию «до большого», ибо, по известному выражению Есенина, «большое видится на расстоянии». Такое расстояние, такая дистанция была и у Мартынова, как и у других поэтов, но у него это была дистанция не прошлого, а будущего. Для него не существовал некий идеальный образец в прошлом, как для А. Твардовского, его в неизмеримо большой степени занимало не то, что случилось, а что могло бы случиться или должно было случиться.

Характерно, что с этим ощущением стремительного движения «жизни живой» и ее коренного обновления у Мартынова было связано и своеобразие его лирического самовыражения, в котором всегда можно различить момент творческой одержимости.

Ну, а как же быть с Лукоморьем?.. Ведь этот образ, который прошел сквозь всю творческую жизнь Мартынова, был рожден в летописной древности, был символом чудес и сказочных богатств там, в Стране Мраков, где в средние века возникла златокипящая Мангазея. В книге автобиографических новелл «Воздушные фрегаты» Мартынов так раскрыл лирический подтекст этой темы: «...В тридцатых годах моей тогда беспокойной и скитальческой жизни в сознании моем пусть еще смутно, но сформировался и собственный свой образ: автопортрет скитальца, бродяги, прохожего, на других непохожего, поющего песню о Лукоморье: «Это — я! Тридцать три мне исполнилось года».

Таким образом, сказочное Лукоморье оказалось символом всего того, что в личной жизни поэта и в жизни его страны было обращено не в историческое прошлое, а опять-таки в будущее. Не случайно в годы Великой Отечественной войны образ Лукоморья под пером Мартынова обратился в образ Советской Родины, в образ, как писал Мартынов, всех наших Лукоморий — северных, южных, восточных, в образ не столько прошлых, сколько будущих времен. И за это прекрасное Лукоморье поэт, взявшийся за перо публициста, призывал бороться советских воинов-сибиряков.

В дальнейшем Мартынов предпринял новые поиски лукоморской темы. Он находил ее всюду, где «действительность смеша-

лась с вымыслом», а конкретно — в тех областях современной науки, в которых гипотеза играет решающую роль. Вот почему лукоморская тема в творчестве Мартынова получала все более значительное философское обоснование. В самой идее Лукоморья поэт обретал запас новых творческих сил, ибо эта идея убеждала его вновь и вновь в том, что все в мире взаимообусловлено, все взаимоподчинено и все ждет своего часа, как ждали своего часа подземные, сказочные богатства Обского Севера, где, по преданиям, и находилась лукоморская Злата Дева — таинственный идол, известный еще древним эллинам.

К великому сожалению, сборник стихотворений «Лукоморье», который вышел в Москве в 1945 году, был подвергнут резкой журнально-газетной (и явно несправедливой!) проработке. А ведь именно в этот сборник впервые вошли такие, — ныне хрестоматийные,— вещи Мартынова, как «Река Тишина», «Подсолнух», «Деревья», «Вологда», «Замечали — по городу ходит прохожий...» и множество других. В связи с такой предвзятой критикой «Лукоморья» Мартынов позднее не раз задавался чрезвычайно жгучим для себя вопросом — что важнее для истинного художника: «признание мира» или «отказ от него»?

И вот в сборнике «Узел бурь» (1979) он определенно ответил на этот вопрос, сказав, что самые лучшие стихи — те, которые написаны «несмотря ни на что». Личная жизнь Л. Н. Мартынова в то время — во второй половине семидесятых годов — была омрачена утратой самого близкого ему человека — жены Н. А. Мартыновой-Поповой, и болезнями, и долгим прохождением рукописей по редакционным инстанциям. Однако «несмотря ни на что», поэт долгие часы проводил в своей библиотеке, которая была одновременно и его рабочим кабинетом, — он писал прозу, переводил, делал наброски новых стихотворений, вообще — работал... При наших с ним дружеских встречах и беседах Леонид Николаевич любил повторять прекрасное изречение Рильке: «Жизнь может стать искусством только тогда, если сначала она станет работой!» Да, его жизнь стала работой едва ли не с пятнадцатилетнего возраста и была работой до последних дней жизни... Об этих последних минутах его ближайший друг В. Г. Утков так пишет в журна-

ле «Сибирские огни»: «Леонид Мартынов умер во сне 21 июня 1980 года в 15 часов 45 минут. Жизнь его оборвалась мгновенно. Он вздохнул — и ушел. Ушел навсегда!..»

4

В душевном да и во всем человеческом облике Л. Н. Мартынова хотелось бы подчеркнуть или как-то выделить одну черту его склада ума и характера — его феноменальный энциклопедизм. Сейчас мне кажется, что не было такой сферы в истории и искусствознании, в литературе и философии, в ряде специальных наук, вроде учения о ноосфере академика Вернадского или учения о геогигиене, в которых бы Мартынов не обладал значительной суммой знаний. Вот почему столь свободно он перемещался из одной исторической эпохи в другую, из одной области человеческого духа в другую. Вот почему так естественны его «отлеты фантазии», которые непременно встречаются в его стихах и в его новеллистике. Причем самые грандиозные исторические события и мировые катаклизмы не отдалялись от нас, от нашего времени, а как бы приближались к нам, людям XX века.

«Идут эпохи за эпохами, и все моложе древность кажется...» — так писал Мартынов в одном из стихотворений семидесятых годов. В этом стремительном, «обратном» ходе времени, в его обновлении, в новой и вечной молодости поэт также обретал личный запас «внутреннего мощного пыланья». Он писал стихи, хотя и знал, что

Если бы
Все стихи удавались,
То стихотворцы бы стосковались
По неудачам...

Неудачи, конечно, были и у него — многое так и осталось в набросках, заявках на тему, черновиках. Однако сейчас хотелось бы подчеркнуть другое: постоянное самообновление Мартынова. Так, например, в последний период жизни он особенно виртуозно использовал возможности, которые таились в новом осмыслении древних мифов. Используя свободу в истолковании того или иного «вечного» мифологического или исторического сюжета, его «открытость» для современной интерпретации, для современ-

ного понимания, Мартынов прежде всего и главным образом обогащал и углублял наше представление о «городском космосе», то есть о жизни современного города с его многомиллионным населением. Стоит перечитать его книги «Гиперболы», «Узел бурь», «Земная ноша» и последнюю книгу, вышедшую уже после того, как поэта не стало, — книгу «Золотой запас», чтобы увидеть, сколь виртуозно он владел искусством сопряжения «далековатых идей», сопряжения, казалось бы, исторически несовместимых образов-символов. Так, наших современников — жителей «городского космоса» — он представлял себе атлантами древнего и вечно юного мира. Обращаясь к людям труда, он так и говорил:

Закутанные
В дымы избяные
И копоть фабрик с ног до головы,
В пыли космической шары земные
Упорно перекатываете вы.
И, оставаясь
Бренными из бренных,
Но не покорные своей судьбе,
Ряд Вечностей и множество Вселенных
Вы ясно представляете себе.

В другом стихотворении, создавая «мифоруких» и «мифорогих» Исполинов Мифологии, совсем таких, как на древних картах звездного неба, поэт считал их ни больше ни меньше как жителями «мира окрестного, от чудес великих тесного». В этих же стихах поразительна не только «словесная магия», к которой охотно прибегал Мартынов на всех этапах творческого пути, но и грандиозность новых решений, новых поворотов темы, которые ему давал миф. Да, миф был ему необходим, как моряку парус, чтобы управлять фантазией в бурных волнах творческого процесса. Не следует думать, что мифотворческие фантазии для Мартынова были лишь испытанной моделью пространства и времени, что только в таких вот космических масштабах Мартынов и решал проблемы бытия современного человека. Нет, миф, равно как и историческое сказание о Лукоморье, для него был просто суммой самых неожиданных творческих решений. Это надо знать и чув-

ствовать, ибо в «городской Вселенной» человек оставался человеком, он мог затеряться в толпе, мог среди сотен тысяч светящихся окон узнать и отличить свое окно, он мог быть томимым и мучимым и радостью, и тревогой, и страхом. Ибо

...Немыслимо
Вдруг позабыть все волнения и все опасенья
Потому, что — подумай, представь себе это сама —
Так свершаются, может быть, землетрясенья:
Вдруг толчок —
И молчок!
И кромешная тьма!

Что же касается обилия культурно-исторических ассоциаций, которые столь отчетливо обнаруживаются в стихах Мартынова, то здесь следует учесть одно положение, в которое безусловно веровал поэт, а именно, что наше время — это время резкого повышения акций культурных ценностей прошлого, и что «переходность» жизни, о которой не раз писал поэт, — это не только ее состояние и всеобщая форма ее бытия, но и признак ее неистребимости. Этот признак был тем дороже потому, что он как бы воочию увидел тот заокеанский электронно-напалмовый холм, «где подземные взрывы, как эхо шаманского бубна, звучат под полым престолом». Иначе говоря, поэт не хотел, чтобы угроза термоядерной катастрофы также «переходила» из года в год, из десятилетия в десятилетие и чтобы человечество, словно вседержитель древнего мира Зевс, было убито в конце концов «молниями своими». Вот так ассоциативно сознание помогало Мартынову решать и самые жгучие, самые неотложные проблемы современности, решать их вдохновенно и поэтически глубоко.

Выдающийся ученый Л. С. Выготский назвал подлинное искусство — «установкой вперед». Вот эта «установка вперед» и была характерна для всех этапов творческого пути Л. Н. Мартынова, и не только в его замыслах, но и в воссоздании эпохи, в которой он жил и для которой — в едином целом своем — точно так же характерна эта «установка вперед», установка нашего образа жизни, нашего миросозерцания, нашего поведения на будущие времена.

ВАЛЕРИЙ ДЕМЕНТЬЕВ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬВАР

Провинциальный бульвар. Извозчики балагурят.
Люди проходят, восстав от сна.
Так и бывает: проходят бури
И наступает тишина.

Что из того, что так недавно
Стыли на стенах кровь и мозг!
Толстые люди проходят плавно
Через бульвар, где истлел киоск.

Что из того, что разрушенных зданий
Ясные бреши на восток!
Кончились, кончились дни восстаний,
Членовредительства и тревог.

И только один, о небывалом
Крича, в истрепанных башмаках,
Мечется бедный поэт по вокзалам,
Свой чемоданчик мотая в руках.

1921

* * *

Мы — футуристы невольные
Все, кто живем сейчас.
Звезды остроугольные —
Вот для сердец каркас!

Проволока колючая —
Вот из чего сплетены
Лавры благополучия
После всемирной войны.

Отгородимся от прошлого,
Стертого в порошок,
Прошлого, былью поросшего,
Скошенного под корешок.

Разве что только под лупами
Станет оно видней...
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

1921

ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Сначала шли они, как будто
Причудливые облака.
Но вот поворотили круто —
Вела их властная рука.

Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
— Друзья, откуда вы приплыли,
Какая буря принесла?

И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
— Большие волны нас качали
Над этим миром. Веришь ты —

Внизу мы видим улиц сети,
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под водой.

Пусть наши речи долетают
В твое открытое окно,
Но карты, карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.

Смотри: матрос, лотлинь распутав,
Бросает лот во мрак страны.
Ну да, над вами триста футов
Горько-соленой глубины!

1922

* * *

Застыли в полете четыре весла. Форштевень ударил
в песок.
Молчали товарищи. Шлюпка ждала. Он вышел
на низкий мысок.
Чуть видимый город мерцал вдалеке. Был северный
ветер суров.
И глухо чернели в холодном песке следы прошлогодних
костров.
Взглянул он. И медленно в сумрак ушел. Ища, ничего
не нашел:
Едва ли останется след каблуков среди этих зыбких
песков.
Спугнул только чайку. Вернулся назад. Товарищи молча
сидят.
Им ясно, что в городе где-то она,
А здесь лишь песок и волна.

1924

НЕЖНОСТЬ

Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду, не здороваясь, громко скажу:
— Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте, не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас: отдайте мне прежнюю нежность.

Унесу на чердак и поставлю во мрак
Там, где мышь поселилась в дырявом штиблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли беспризорные дети.

1924

ГОЛЫЙ СТРАННИК

О, знаю я, что постепенно
Твердь снова станет голубой,
Студеная осядет пена
И дым подымет хвост трубой.

...Все магистрали и поселки
Тонули в бездне снеговой,
Когда возникли эти толки
О голом призраке. Впервой
Он появился на руинах
Старинных зданий, а потом
Он, для смятенья душ невинных,
В пространстве будто бы пустом
Ускорил шаг среди метели,
И все, кому являлся он,
Божились, что бредет без цели,
Простоволос и обнажен.

Но ведь и мы его встречали,
И согласись, что я и ты
Как будто и не замечали
Его ужасной наготы.

Кто он? Наследие ль военных
Жестоких лет, когда враги
Зимою раздевали пленных
И говорили им: «Беги!»
А может быть, безумец гордый,
С природою вступивший в бой
И подчинивший воле твердой
Морозы, равно как и зной?

К чему гадать! На горном кряже
Все крепче ледник голубой.
Рождает всякие миражи
Зимы отчаянный прибой.
Но и в кипенье этом белом,
Сияньем снежным опален,
Я чувствую душой и телом:
Жив этот странник — Аполлон!

1925

ГРУСТЬ

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.
Грусть, это — когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад.
И как к затылку нож,
Холод клинка стальной —
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

1925

* * *

Писатель слов и сочинитель фраз,
Ты за рассказом составлял рассказ
Про все, на чем остановился глаз.

Ты описал поверхность всей Земли,
Упомянул, что в море корабли
Боролись с бурей, а цветы цвели.

Я видел экземпляры книги той,
Она бумагой сделалась простой.
Ты в этой книге, в сущности — пустой,

Не захотел, чтоб бабочки пыльца
Не прилипала к пальцам подлеца,
Чтоб ровно бились чистые сердца.

Ты этой книгой никого не спас.
Писатель слов и сочинитель фраз,
Не дописал ты повесть до конца!

1927

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Освобожденное от туч,
Все небо розово и звездно.
Я увидал зеленый луч.
Ищи и ты. Еще не поздно!

1927

СКОМОРОХ

Есть на земле высокое искусство —
Будить в народе дремлющие чувства,
Не требуя даров и предпочтенья,
Чтоб слушали тебя не из почтенья,
Чтоб, слышав раз, послушали и снова,
Чтоб ни одно не позабыли слово,
Чтобы в душе — не на руках! — носили.
Ты о такой мечтал словесной силе?
Но, не смущаясь гомоном и гамом,
На площади меж лавками и храмом,
Где блеют маски и скрежещут доски,
Сумей взойти на шаткие подмостки,
Как великан в неистовстве упрямом!
Пускай тебя за скомороха примут,
Пускай тебя на смех они подымут,
Пусть принимают за канатоходца, —
Употреби высокое искусство —
Будить и в них их дремлющее чувство.
И если у тебя оно найдется,
Так и у них, наверное, проснется!

1928

РЕКА ТИШИНА

— Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?
— Я хотел бы. В ночь ледостава.
— Но отыщешь ли лодку хотя бы одну
И возможна ли переправа
Через темную Тишину?
В снежных сумерках, в ночь ледостава,
Не утонешь?

— Не утону!
В городе том я знаю дом.
Стоит в окно постучать — выйдут меня встречать.
Знакомая одна. Некрасивая она.
Я ее никогда не любил.

— Не лги!
Ты ее любил!
— Нет! Мы не друзья и не враги.
Я ее позабыл.
Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,
Что нарушена переправа,
Но хочу еще раз я проплыть по реке Тишине
В снежных сумерках, в ночь ледостава.

— Ночь действительно ветреная, сырая.
В эту ночь, трепеща, дотлевают поленья в печах.
Но кого же согреют поленья, в печах догорая?
Я советую вспомнить о более теплых ночах.
— Едем?
— Едем!

Из дровяного сарая
Братья ее вынесут лодку на плечах
И опустят на Тишину.
И река Тишина у метели в плену,
И я на спутницу не взгляну,
Я только скажу ей: «Садитесь в корму!»
Она только скажет: «Я плащ возьму.
Сейчас приду...»

Плывем во тьму,
Мимо предместья Волчий хвост,
Под Деревянный мост,
Под Оловянный мост,
Под Безымянный мост...

Я гребу во тьме,
Женщина сидит в корме,
Кормовое весло у нее в руках.
Но, конечно, не правит — я правлю сам!
Тает снег у нее на щеках,
Липнет к ее волосам.

— А как широка река Тишина?
Тебе известна ее ширина?
Правый берег виден едва-едва, —
Неясная цепь огней...
А мы поедем на острова.
Ты знаешь — их два на ней.
А как длинна река Тишина?
Тебе известна ее длина?
От полночных низин до полдневных высот
Семь тысяч и восемьсот
Километров — повсюду одна
Глубочайшая Тишина!

В снежных сумерках этих
Все глуше уключин скрип.
И замирают в сетях
Безмолвные корчи рыб.
Сходят с барж водоливы,
Едут домой лоцмана.
Незримы и молчаливы
Твои берега, Тишина.
Все медленней серые чайки
Метель отшибают крылом...

— Но погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Чайки метель отшибают крылом...
— Нет, погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Не понимаю — какой хозяйке?
— Которая в корме склонилась над веслом.
— О! Я скажу: «Ты молчи, не плачь.
Ты не имеешь на это права
В ночь, когда ветер восточный — трубач —
Трубит долгий сигнал ледостава».
Слушай!
Вот мой ответ —
Реки Тишины нет.
Нарушена тишина.
Это твоя вина.
Нет!
Это счастье твое.
Сам ты нарушил ее,
Ту глубочайшую Тишину,
У которой ты был в плену.

1929

МАЙ

Я родился в начале мая
И прекрасно я понимаю,
Что такое разлив весенний:
Это — ветер и гребни в пене,
Это — вывернутые коряги
И затопленные овраги
В ночь, когда над стерней колючей
Подымаются сизые тучи,
Возвращеньем зимы угрожая.
Но и снег в середине мая —
Даже он, говорят, к урожаю!

1930

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил,
И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня.

Я это понял.
Что же было делать?
Вошел я.
Сел к столу без приглашенья.
Густое ежевичное варенье
Таращило засахаренный глаз;
И пироги пыхтели, осуждая;
И самовар заклокотал, как тульский
Исправник, весь в медалях за усердье, —
Как будто б я все выпью, все пожру!

— Она приехала! — сказал художник.
И вот я жду: поджавший губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.

Но ты вошла...
Отчетливо я помню,
Как ты вошла — не ангел и не дьявол,
А теплое здоровое созданье,

Такой же гость невольный, как и я.
Жена ему?
Нет! Это толки, враки.
Рожденному в домашнем затхлом мраке, —
Ему, который высох, точно посох,
Вовек не целовать такой жены!

Я это понял. Одного лишь только
Не мог понять: откуда мне знакомы
Твое лицо, твои глаза, и губы,
И волосы, упавшие на лоб?
Я закричал:
— Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел.
Но, тем не менье, видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!

И, повторяя:
— Я вас где-то видел,
Хотя не видел...
Чаю?
Нет, спасибо! —
Я встал и вышел.
Вышел на веранду,
Где яростно метались мотыльки.

Ты закричала:
— Возвратитесь тотчас! —
Я на веранду дверь раскрыл широко,
И в комнату ворвалось сорок тысяч
Танцующих в прохладе мотыльков.
Те мотыльки толклись и кувыркались,
Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,
И довели б до головокружения,
Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,
А вынул юношеские полотна
В раздумии: нельзя ль из них портянки
Скроить себе? И тупо краску скреб.
Затем его окликнули соседи.
Надевши туфли, он пошел куда-то,
Оставив полотнище на мольберте
И ящик с красками не заперев.

Заманчивым дыханием искусства
Дохнули эти брошенные вещи,
И я — хотя совсем не живописец —
Вдруг ощутил стремленье рисовать.
Тут маковое масло из бутыли
Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.

Тебя я рисовал.
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.
И лишь лицо оставил я похожим
У этого бессильного подобья —
Прекрасного, но пленного растенья,
Ушедшего корнями в огород.
И хрен седой растет с тобою рядом,
И хнычут репы, что земля на грядах
Черна. И всех своим нехитрым ядом
Перетравить мечтает белена.
И солнца нет. За облаками скрыто
Оно. И огородница подходит,
Морщинистыми, дряхлыми руками
Схватила за прекрасное лицо...

Художник тут вбежал,
Он крикнул:
— Кто вам позволил рисовать?
— Идите к черту! — ему я сдержанно сказал
И тотчас
Покинул этот серый, пыльный дом.

3

— Вы ночевали на цветочных клумбах?
Вы ночевали на цветочных клумбах? —
Я спрашиваю. —
Если ночевали,
Какие сны вам видеть удалось?

Покинув дом, где творчество в запрете,
Весь день метался я, ища квартиру,
Но ни одна квартирная хозяйка
Меня не допустила ночевать.

Они, крестясь, захлопывали двери
И плотно занавешивали окна
Дрожащими руками. Слишком страшен
Был вид и взгляд мой...

Наступила ночь,
И сумрачно постлал я одеяло
Меж клумб под сенью городского сада.
Но сон не брал. И травы щекотались.
И вóроны рычали с тополей.

Так ночь прошла.
Рассвета не дождавшись,
По улицам сырым, туманным, серым
Я вышел за город.

В глазах двоились
Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.

Рассвет прошел. И день настал в полях.
Я не стоял — я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах длящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.

Но голоса растений властно шепчут:
«Ищи, ищи!»
И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась, как из-под земли.

Ты закричала:
— Где вы ночевали?
Чем завтракали?
Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки, как я вас ищу!

Все кончилось...
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб...

Июльская земля
Нам греет ноги.

Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля!

1932

РАССВЕТ

Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Старый город весь порос травою,
Укрепление береговое
Точно так же поросло травою.
Мы по городу ходили двое
В этот вечер — только ты да я.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Я домой тебя повел.
Вдруг откуда-то пахнуло гарью смол,
Медным медом азиатских пчел,
Теплотой нагревшихся песков,
Пламенем восточных угольков.
Духота перед дождем.
Я сказал: — Домой пойдем!
Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!

Ночь тиха. Весь город под дождем.
Я проснулся. Сырость входит в дом.
Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Ты лежишь спокойно, ровно дышишь,
Ничего не видишь и не слышишь.
Я лежу, за тучами слежу,
Я в окно открытое гляжу.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Дом стар,
Стар забор,
Стар бульвар,
Стар собор,
Стар за городом бор.

Я лежу, за тучами слежу,
Вот на город взор перевожу.
Что такое там алеет,
Тускло искрится и тлеет?

Неужели это тлеет покосившийся забор?
Тлеют дом и забор,
Тлеет старый собор...
Неужели это уголек,
Зароненный где-то в уголок,
Прилетевший с ветром уголек
Превратился в огонек?

Дождь, а город тлеет изнутри,
Розовеет, вспыхнет весь вот-вот.
Отраженным светом фонари
Загорелись всюду у ворот.
Алым дымом полон влажный сад,
Петухи повсюду голосят.
Где-то ведер зазвенела жесть,
Старый дворник к речке побежал.
В колокол ударили раз шесть,
Водовозов конь заржал.

Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Город стар,
Город сед.
Мне над этим городом рассвет
Показался как пожар!

1933

ДЕРЕВЬЯ

— Как ваше здоровье, — спросил я, — деревья? —
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.
Вдруг скрипнула ива:
— Здорова! —
И сосны ворчливо:
— Мы живы! —
И тут зашумели и справа и слева
Деревья, качаясь от скорби и гнева:
— Твои непонятны нам мысли!
— Скажи откровенно, в каком это смысле
Ты задал вопрос?
— Расскажи нам про это!
— Здоровы ль? Какого ты хочешь ответа?
— Ты хочешь рубить? Но кому мы помеха?
— Есть люди, которым рубить нас — потеха!
— Иные же древообделочным цехом
Считают весь мир. Но имеют ли право?
— Стыдись! Незаконная это расправа! —
Вскричала крушина, гнила и корява.
Но этой старухе ответил со смехом:
— Ты мхом и грибком обросла, точно мехом,
И вовсе ты зря беспокоишься, право!
Спокойно земные посасывай соки,
О, древнее, ветхое, сонное древо!
Твое червоточиной тронуто чрево.
Есть более молоды, стройны, высоки
Деревья! —
И те, что молчали вначале,
Теперь закричали в припадке печали:

— Как нас величали!
— Под нами венчали!
— Венчали венцами!
— Любили сердцами!
— Ах, вам не удастся в древесную массу
Нас всех превратить! —
И от скорби затрясся
Весь лес. И еловые лапы хлестали.
Как белые осы, пушинки летали...
Восстали!
Восстали деревья!
Но крикнул тогда я:
— Вас всех обманула старуха седая!
Ее червоточиной тронуто чрево.
Послушай, береза, о белая дева,
Сосна, что гордишься своей прямотою,
Осина, обиженная клеветою, —
Послушайте все вы! Дика ваша злоба.
Вы наши друзья с колыбели до гроба,
От люльки друзья, чье качанье нам любо
В еловом тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо.
Венцы, на которые ставится зданье.
Венки на гуляньях и веники в бане.
Кресты, что стоят на глухих перекрестках, —
Зеленая плесень осела на досках.
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит.
Повсюду ты, дерево! В дружбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя,
Ты нас одаряешь своими плодами...
Но разве владеем мы только садами?
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свищут зловеще.
Все это весьма непохожие вещи.

Кому же и ведать об этом? Не мне ли?
Вы часто, деревья, в печах пламенели,
Но, — вам я сказать без смущенья осмелюсь, —
И сам я горел, чтоб другие согрелись!
И я топором был под корень подрублен.
Но не был погублен, я не был погублен!
И сам я летел оперенной стрелою.
Я знаю грядущее, помню былое! —
Сказали деревья:
— Ты должен бояться,
Что люди, прислушавшись, станут смеяться,
Как ласково ты побеседовал с нами,
О ты, одержимый волшебными снами! —
Запели деревья:
— Мы это оценим!
Ты с нами хорош. Мы тебе не изменим.
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О ты, на деревья с любовью глядящий! —
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли мои понимая.
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещая.

1934

НАЯДЫ

Ты видел этот новый дом,
В своем величье молодом
Имеющий с дворцами сходство?
Ты знаешь: это — Пароходство.

Оттуда в сумраке седом
Шесть дев выходят на крыльцо.
Они не на одно лицо, —
У каждой признаки свои:
Вот дева в шапочке бобровой.
Вторая — с тростью камышовой.
В плащ цвета рыбьей чешуи
Одета третья, как матрос.
Четвертая из чайных роз
Венок сияющий сплела.
А пятая с крылом орла
Идет, как будто улетая.
Атмас наречена шестая...
Ты это имя повторишь?

Что было б, если бы Иртыш
Вдруг схлынул?
Мы нашли на дне бы
Кусок эбенового неба
С чешуйчатых джунгарских крыш,
Пищали обгоревший пыж,
Древнейшие обломки лыж,
На коих лыжники из Тары
Ходили в черные татары...
Ну что ты на меня глядишь?
Все эти вещи слишком стары!

Что? Колчаковский саквояж?
Бинокль бы цейсовской работы?
Гранаты? Ружья? Пулеметы?
Забытый Бремом патронташ?
Все можно! Почему б и нет.
Так ты и начинай путину.
А я? И пальцем я не двину.
А почему? Я дам ответ:

Не в этом суть!
Не арсенал, не зал музея —
Дно речное.
Я не об этом вспоминал, —
Я думал вовсе про иное.
Про что?
Их — шесть. Судьба — одна.
Шесть рек исчезли.
Имена?
Я перечислю:
Камышловка,
Чаир,
Орловка,
Окуневка,
Бобровка
И еще одна — Атмас!
В былые времена
Те полноводные потоки
Шумели в таволге, в осоке...

Где эти реки?
Вся страна
Пила их воду золотую
Тогда, в былые времена,
Когда в леса, в листву густую
Слетались птицы на пиры
И для любви и для игры,
И обитали здесь бобры.

Бобры! Взгляни на степь пустую.
Ничто не вечно. И — миры!

Шесть рек!
Леса!
Бобры!
Орлы!
Уснувшие навеки рыбы!
Я спрашиваю: вы могли бы
Возникнуть вновь из темной мглы?

Ты слышишь их ответ:
— Мы здесь! —
Ты говоришь мне:
— О, не грезь!

Шесть дев выходят на крыльцо
Дворца речного пароходства,
И все не на одно лицо,
Но в этих лицах есть же сходство,
Ведь есть же сходство! Все же есть.
Ведь их же шесть. Ты видишь: шесть.

Вглядись, слепой ты человек,
В их небывалые наряды!
Ведь эти девы — души рек,
Иначе говоря — наяды!

Ты повторяешь:
— О, не грезь!
Ведь это ж просто шесть притворщиц, —
Ну, шесть конторщиц, шесть уборщиц,
Шесть девушек, что служат здесь!

Пусть это было б даже так...
Огонь трамвайных вспышек зелен.
Наяды ринулись во мрак.

Мир грез, конечно, беспределен.
Автомобильные огни,
Небес грозовая завеса...

А может, все-таки они
Воскреснут меж степей и леса?

О да! Затем и встал вот здесь
Колосс речного пароходства,
Имеющий с дворцами сходство,
Гранитом облицован весь!
Ведь есть же в мире Человек,
Который понял душу рек,
Найдет утерянный родник
И даст свободу этим водам!
А ты решил, что дом возник
В угоду только пароходам?
Нет! Это так, но и не так.

Огонь трамвайных вспышек зелен.
По Иртышу плывет рыбак.
За Иртышом горит маяк.
Наяды, лодки, якорь, мрак...
Мир грез высок и беспределен!

1939

* * *

В промежутках
Между штормами
Воды кажутся покорными.

В промежутках
Между войнами
Очень трудно быть спокойными.

1939

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Ты знаешь пословицу: мы говорим,
Что сладок бывает отечества дым...
Я дым этот сладкий вдыхал наяву.
Послушай! Когда ты вернешься в Москву,
Немедленно в Кунцеве побывай,
Да, в Кунцеве!
Кунцева —
Не забывай!
А дальше к Татаровке надо пройти,
Не так далеко это — рядом почти.
Ну, словом, к Татаровке, друг мой, пройди,
Серебряный Лог за деревней найди,
У этого Лога костер разведи и глины возьми.
Слышишь, — глины, мой друг,
Которой поблизости много вокруг.
Вот этой-то глины в костер и добавь,
И сладким ты дымом надышишься въявь!
Горят эти глины!
Ты понял? Горят
И, жарко горя, издают аромат.
Ну да, — аромат! Верь мне, друг, — аромат!
И тот аромат, точно мед, сладковат.
Поверь — никакого тут нет волшебства,
А просто, где плещет волною Москва,
Там есть отложения юрских слоев,
Цветов отпечаток, надкрылий жуков,
И рыбьих чешуек, и игол сосны, —
Все есть в этих глинах — и сладость весны,
И осени горечь!
Но где на земле
Ты запах цветов ощутил бы в золе

Горящей земли? Где пылает она,
Даря ароматом пьянее вина?!
Да, друг мой! Ты в Кунцеве часто бывал
И, кажется, даже на даче живал,
Там в парке Смирновском ты пиво пивал,
Глотал «эскимо», торопясь на вокзал,
А вот не вдыхал ты отечества дым,
О коем так часто мы все говорим!

1942

СПОР

— Искусство — это подвиг! —
Я убеждал сестру. —
Искусство — это подвиг! —
Она в ответ: — Умру.

— Нет, не умрешь! Ты сильной, —
Сказал я, — быть должна. —
А день был душный, пыльный...
Крутые времена!

1944

ТОСКА

Жил на свете я до сорока лет
И не знал никогда, что такое тоска. Нет.
Даже знать я не знаю, что такое тоска. Мне
Никогда не бывала она близка.
Ни ночами во сне,
И ни наяву
Никогда не зову
Эту самую деву я, Грусть.
Говорят иногда,
Что она и сюда
Заезжала —
И пусть!
Я, появится если она,
Улыбнусь,
А объявит она, что со мною должна
Повстречаться одна, —
Рассмеюсь.
Я ее не боюсь!
Что такое она?
Если взвесить все и учесть —
Есть на свете Надежда, и Вера, и Мудрость, и есть
Месть, и Гордость, и Ревность, и Верность,
и Страсть...
А с тоской этой, с Грустью, —
Ни в рай и ни в ад не попасть.
Пусть имеет она над другими верховную власть.
Да уж лучше к земле я ничком припаду
Да зароюсь в пески,
Захочу — улечу на другую звезду,
А уйду от тоски.
У меня две руки,

У меня кулаки,
А у ней под глазами круги велики.
У меня есть товарищи — весельчаки...
Боже мой,
Помоги
Мне уйти от тоски!

<1945>[1]

[1] Здесь и далее даты в угловых скобках указывают время первой публикации. (*Примеч. сост.*)

* * *

Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно, приезжий, на нас непохожий?
То вблизи он появится, то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье.
Опускает он гривенник в щель автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата
И всегда об одном затевает беседу:
«Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!»
Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я с черного хода.
На потертых диванах я спал у знакомых,
Приклонивши главу на семейных альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты ванной.
«Это гость, — вспоминали вы, — гость не незваный,
Но, с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный».
— Это гость, — поясняли вы мельком соседу
И попутно со мной затевали беседу:
— Вы надолго к нам снова?
— Я скоро уеду!
— Почему же? Гостите. Придете к обеду?
— Нет.
— Напрасно торопитесь. Чаю попейте.
Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте. —
Да! Имел я такую волшебную флейту.
За мильоны рублей ту я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»

Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря.
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!
И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
— Где чертог? Каковы очертанья чертога? —
Помню также — истории некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель? —
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккрая,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой:
— Лукоморье! Изволите звать в Лукоморье?
Лукоморье отыщете только в фольклоре! —
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки! —
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!

— Погодите — в соседях играют на флейте!
Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали мамаши:
— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумейте,
А потом в Лукоморье зовите на флейте! —
Флейту прятал в карман.
Почему ж до сих пор я
Не уехал с экспрессом туда, в Лукоморье?
Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,
Уж давно на широкий бы вышел простор я.
Объясните знакомым, шепните соседу,
Успокойте, утешьте, — я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сердиться.
Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.
Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиной, за моею спиною.
Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О, холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана.
Так случилось —
Мы вместе!
Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас веду я.
Успокойтесь, утешьтесь!
Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной, широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас непохожий, —
Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,
Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,
Неуклюжий, но дюжий, в тужурке медвежьей.
...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

1935—1945

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

1945

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солоны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны, —
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны, —
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин, —
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

1945

* * *

Пластинок хриплый крик
И радиовещанье,
И непрочтенных книг
Надменное молчанье,
И лунный свет в окне,
Что спать мешал, тревожа, —
Мы оценить вполне
Сумели только позже,
Когда возникли вновь
Среди оторопенья
Моторов мощный рев,
И музыка, и пенье,
И шелест этих книг,
Мы не дочли которых,
И круглый лунный лик,
Запутавшийся в шторах,
И в самый поздний час
Чуть зримый луч рассвета...

Подумайте! У нас
Украсть хотели это!..

1945

ОБЛАКА

Облака!
Не достать вас руками.
Да и это ли надобно мне!

Облака!
Окружен облаками,
Я бы мчался на черном коне
Через горы, к восточной стране,
К дому с низкими потолками,
Чтобы там за семью замками
С холодеющими щеками
Ты бы вышла навстречу мне.

Но уходит он в дальние дали,
Путь, который весь в тормозах.
И на самом последнем вокзале
Ты одна в карболовом зале
Со слезами в зеленых глазах.

Облака!
На высокую крышу
За Москвою-рекою взойду
И увижу я все и услышу...
Вот и ласточка вьется в саду
На свою, на мою ли беду...

Облака
В сорок пятом году!

1945

* * *

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный вес —
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И все-таки я Геркулес.

1945

ЛУКОМОРЬЕ

Кто ответит — где она:
Затопило ее море,
Под землей погребена,
Ураганом сметена?
Кто ответит — где она,
Легендарная страна
Старых сказок —
Лукоморье?

Это я отвечу вам:
Существует Лукоморье!
Побывал мой пращур там,
Где лукой заходят в море
Горы хладные.
У скал
Лукоморье он искал —
Волшебную эту местность,
Страну великих сокровищ,
Где безмерна людская честность,
Но немало див и чудовищ.

Здравствуй, северная Русь!
Ты, Югра-соседка, здравствуй!
Сказка, здесь над былью властвуй!
Различить вас не берусь.
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые, —
У них выи меховые. Белки валятся живые.
Соболя летят седые из косматых этих туч,
Прямо в тундру, за Урал. Там мой пращур
их и брал.

Мол, к нашим дырявым овчинам
Пришьем драгоценны заплатки
И сбудем заморским купчинам
Мы красного меха в достатке.

Что мой пращур?
Голытьба!
Он в лохмотьях шел тайгою.
Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,
То есть с женщиной в яге — в теплой северной
одежде...
Я о встрече той в тайге вспоминаю и в надежде,
Что этнографы прочтут и обдумать им придется
Все изложенное тут. Шуба женская зовется
Там, на севере, ягой.
Знай, этнограф дорогой!

Баба-яга сердита.
— Ну, — говорит, — погоди ты!
Зря, — говорит, — не броди ты!
Женю я тебя на внучке,
Возьмет в золотые ручки.

Верно, пращур?
Было так?
Золотым копьем блистая,
Поджидала вас, бродяг, дева-идол золотая,
Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,
Неприступна и строга, охраняла Лукоморье.
Злата шкура на плечах,
Золотой огонь в очах, —
Грейся, пращур, в тех лучах!

— Ах, гостеприимна,
В чуме вот только дымно!
В губы не целовала,

Мерзлую рыбу давала,
О чем она толковала?
— Пусть бьются князья с князьями —
Народы будут друзьями.

Ты остался, пращур, там?
Венчан снежными венцами?
Ложе устлано песцами?
Нет! К волшебным воротам
За тобою по пятам
Шел Куракин со стрельцами,
Со стрельцами да с писцами за тобою по пятам.
Шли не с чистыми сердцами к Лукоморским
воротам.
И закрылись ворота, и в туман укрылись горы,
Схоронилася в Обдоры дева-идол золота.

И волны гремели на взморье,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье, —
Хранить вы его не сумели!

Лукоморье!
Где оно?
Не участвую я в споре
Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье
На страницах старых книг, в незаписанном
фольклоре.

Знаю я: где север дик,
Где сполоха ал язык, —
Там и будет Лукоморье!
Там, у дальних берегов, где гремят морские воды,
Где восстали из снегов возрожденные народы, —
Лукоморье там мое!

Там стоит она, богата,
Опираясь на копье, а быть может, на ружье.
Молодая дева Злата.
Я не знаю, кто она —
Инженер или пастушка,
Но далекая избушка, что за елками видна,
Снова сказками полна.

Здравствуй, дивная страна!

1945

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!

Одевши ткани и меха,
На улицу я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха.
Себе я гимнов не услышал.
Но посмотрел тогда я ввысь,
Уверенности не теряя,
И вижу:
Звезды вдруг зажглись,
Как будто путь мне озаряя
И благосклонно повторяя:
— Ты — царь природы! Убедись!

Что ж, хорошо!
Не торопясь,
Как будто просто так я, некто,
Не царь и даже и не князь,
Дошел я молча до проспекта.
Как убедиться мне скорей,
Высок удел мой иль плачевен?
При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен

Я наблюдал. Со всех сторон
Шли властелины без корон.

Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч. Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас.
Царь лыж блуждал по снежным тропам.
Царь звезд владычил телескопом.
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, щуря мудрый глаз.

Я наблюдал. Издалека
Заметил я: царь-оборванец,
Великий князь запойных пьяниц,
Ничком лежит у кабака.
А тоже царь. Не самозванец.

А вот я вижу пешехода,
Одетого вдвойне пестрей
Всех этих остальных царей
И при короне. Брадобрей
Ему корону на полгода
Завил, как то диктует мода.

Эй, вы! Подвластна вам природа?
Ну, отвечайте поскорей!
Вам сотворили чудеса
В искусствах, равно как в науке,
Вам покорили небеса,
Вам атом передали в руки.

Цари вы или не цари,
А существа иной породы?
Быть может, врали буквари,
Что человек есть царь природы
Во множестве своем один?

«Эй ты, природы господин!
Скажи мне: царь ты или князь?
Дерзаешь ты природой править?»
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!» И, боясь,
Что, может быть, его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он, недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

О, царь! Прошу тебя: цари!
Вынь из ушей скорее вату!
К тебе, возлюбленному брату,
Я обращаюсь — посмотри!
Разбужен оттепелью ранней,
Услышишь завтра даже ты:
Она трубит из темноты
Со снежных крыш высоких зданий
В свой серебристый звонкий рог,
Сама Весна! Ясак, оброк —
Как звать не знаю эту дань —
И ты берешь с природы. Встань!

Ведь это же твоя земля!
Твои обрубки-тополя
Стоят, сучками шевеля,
Тебя о милости моля!
Прислушайся к хвале ручьев,
Прими посольство соловьев
И через задние дворы
Иди, о царь своей свободы,
Принять высокие дары
От верноподданной природы!

1945

* * *

И, по земле моей кочуя,
Совсем немногого хочу я:

Хочу иметь такую душу,
Чтоб гибло все, что я разрушу;

Хочу иметь такую волю,
Чтоб жило все, чему позволю;

Сердце хочу иметь такое,
Чтоб никому не дать покоя;

Хочу иметь такое око,
Какое око у пророка.

Вот что хочу, — хочу глубоко!

1945

ЛЮБОВЬ

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права.
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней Покрова.

И еще над могилой моей
Ты взойдешь, как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво —
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава.
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

<1946>

ПЕРЕПРАВА

Туман. Река. Клубятся облака.
Я жду. И вместе ждут у переправы
Охотники, солдаты, гуртоправы,
Врачи, крестьяне... Всех томит тоска.
Толкуют, что сюда не для забавы
Пришли. И переправа не легка.
И вообще дорога далека...
Так говорят. И я в ответ:
— Вы правы! —
Тут кто-то вдруг: — Паром! Паром! — кричит,
А изо мглы не эхо ли звучит:
«Харон! Харон!»
Я слышу это имя.
Вот перевозчик. Медленно гребет.
Приткнулась лодка. Кинулся народ.
И на борт я вступаю вслед за ними.

Мой правый берег, навсегда прости!
К твоим низинам не вернусь песчаным.
Вздымай, река, стремительно кати
Крутые гребни в сумраке туманном!
Но поведенье кажется мне странным
Гребца.
— Ты трезв? —
Молчит.
— Устал грести? —
Устал.
А в лодке душ до тридцати.
— Пусти на весла! Говорю, пусти! Пусти,
проклятый! —
И, в бессилье пьяном,

Тут впрямь от весел отвалился он,
И ветер веет пепел с небосклона,
И на меня глядят со всех сторон
Все тридцать душ тревожно, напряженно.
А я неторопливо, монотонно
Гребу во мрак.
Меня зовут Харон!

И все понятно.
Над водой встают дебаркадеры, статуи и зданья.
Всех городов я вижу очертанья,
Где находил когда-то я приют.
Я позабыл оставленный уют,
На деловые не пойду свиданья,
И той, что любит, слышу я рыданья.
Нет, я не тут!
Харон меня зовут!
«Харон! Харон!» — кричат на берегу.
Напрасный зов!
Не превознемогу
Стремительность подводного теченья.
И вёсел всё медлительней размах.
Ведь все равно, за Стиксом на холмах
Все встретимся мы там без исключенья!

Так я решил.
И левый берег, крут,
Вдруг встал из мглы. И веет с этой суши
Горячим ветром.
Трепещите, души!
Суд ждет вас здесь. Последний, Страшный суд!
Но почему такое равнодушье?
Не мечутся, не плачут, не клянут,
А слышу я:
— Причаливай вот тут!
— Да нет, не тут, а здесь вот, где посуше!
— Неужто вы не видите мостков!

Эреб! Эреб! Так вот ты есть каков!
Чу! Звон подков. Гудки грузовиков.
И лодочник, во всю орущий глотку,
Чтоб услыхал бы весь загробный мир:
— Озорничал вот этот пассажир!
Сам, видно, пьяный. Всполошил всю лодку!

<1946>

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером,
Сказал:
— Не жди. Дела...

Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.

«Дела...— твердил он мысленно,—
И не моя вина».

Но позвонил он с площади:
— Ты спишь?
— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты делаешь? —
Ответила:
— Люблю!

...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это? —
Сказал он:
— Первый снег!

1946

ПЕЧАЛЬ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Та река широка была,
Ты меня к воде подвела,
Ты сказала: — Печаль свою смой,
И, как прежде, ты будешь мой.

Я поплыл и печаль свою смыл
И, как прежде, стал тебе мил.
А печаль моя поплыла,
Поплыла по реке в Океан.

В Атлантическом океане
Пусть встречают ее англичане,
Пусть увидят норвежец и швед,
Пусть узнает весь белый свет:

Русы косы моей Печали,
Два крыла у нее за плечами,
Чтобы волны ее качали,
В Океане,
Там,
Далеко...

1946

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистала
Столь чиста,
Что — ни напиться,
Ни умыться.

И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

1946

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Хотя
Ничто
Былое
Не вернется —
Воспоминанья никуда не денутся.

И я умел смотреть на это солнце
Глазами беззаботного младенца.
Но это было не такое солнце,
А то, что, не желая закатиться,
Старается за вывески цепляться
И в бледные заглядывает лица.
Я видел это меркнущее солнце
Гостинодворца и охотнорядца.

И я увидел
Новое светило,
Которое из бездны небосвода
О собственном восходе возвестило
Скупцам, святошам, франтам, спекулянтам,
Когда январь Семнадцатого года
Вдруг изошел февральскою метелью,
Чтоб обернуться мартом с красным бантом
И отступить, и место дать апрелю,
И маю, и июню, и июлю,
И августу, когда не от прохлады,
А без пощады листья пламенели,
Чтоб сквозь сентябрь,
Сметая все преграды,
Пришел Октябрь в распахнутой шинели.

1947

КУВШИНКА

Цвела кувшинка на Руси...

В пруду, где дремлют караси,
Купался ты. И вдруг она
Всплыла, как будто бы со дна.

И ты спросил ее во тьме:
— Цветок! В своем ли ты уме?
А если я тебя сорву?
— Сорви! Не бойся. Оживу!

...Кувшинкам трудно — до вершин,
Кувшинкам хочется в кувшин,
Хотя бы очень небольшой,
Но с человеческой душой.

1947

* * *

С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово,
А потом отпускаю на волю
И его покупать никого не неволю,
Да его продавать ведь никто и не волен,
Чем я очень и очень доволен!

1947

ДАРИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Когда б затеял написать я пьесу,
Чтоб занавес раздернуть как завесу
Над этим миром и людским бы взорам
Открыть просторы, нет границ которым,—
Ту драму я б назвал «Даритель счастья».

Ее герой бы одержим был страстью
В чужие судьбы вмешиваться смело,
Чтоб всем помочь, и делал это дело
Всегда смешно, наивно, неумело.
Так — в первом акте.

Действие второе:
Все дружно проклинали бы героя,
Что в жизнь друзей он путаницу вносит,
Убить грозили, если он не бросит
Совать свой нос куда его не просят,
И знал бы зал — пришлось герою туго:
Блеснул кинжал в руке злодея-друга,
Знакомые бежали от испуга.

Но показал бы в действии я третьем,
Что истина скрывается за этим
Столь бестолковым времяпровожденьем...
Все кончилось бы пляскою и пеньем.

Такую пьесу все мечтал создать я
И написал бы, драматург я будь бы,
Но не пишу, а вот ведь в чем проклятье:
Мое это обычное занятье —
Вот так в чужие впутываться судьбы!

1947

* * *

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я.

Увидел то, чего не видит
Иной вооруженный глаз
И что увидеть ненавидит:
Мир я увидел без прикрас!

Взор охватил всю ширь земную,
Где тесно лишь для пустоты.
И в чащу он проник лесную,
Где негде прятаться в кусты.

Я видел, как преображала
Любовь живое существо.
Я видел Время, что бежало
От вздумавших убить его.

Я видел очертанья ветра,
Я видел, как обманчив штиль.
Я видел тело километра
Через тропиночную пыль.

О вы, кто в золоченой раме
Природы видите красу,
Чтоб сравнивать луга с коврами
И с бриллиантами росу,

Вглядитесь в землю, в воздух, в воду
И убедитесь: я не лгу,
А подрумянивать природу
Я не хочу и не могу.

Не золото — лесная опаль,
В парчу не превратиться мху,
Нельзя пальто надеть на тополь,
Ольху не кутайте в доху;

Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски
Увидеть мир, каков он есть!

1947

РАВНОПРАВЬЕ

Я знаю,
Что женщины
Тоже крылаты.
Мне ведомо это —
Ведь я не ребенок.
За матриархатом
Был век амазонок.

Кому ж равноправье свое отдала ты?

Открою глаза —
И увижу я тотчас
Бесстрашных разведчиц
И яростных летчиц.
Густые леса и святые пустыни
Расскажут — какие у нас героини.
И были они и останутся явью.

А ты?
Где оно?
Где твое равноправье?
Зачем в обнаженный комочек ты сжалась,
Держась лишь за право на слабость и жалость?
Ведь ты ж величава. Ответь, не лукавя,—
Кому отдала ты свое равноправье,
Ссылаясь на слабость и нежность здоровья?

Ведь ты же его заработала кровью.

А летчицы
В небе летают и ныне,

Актрисы
По сцене идут как богини,—
Ты знаешь про это.
Я был твой поклонник,
Я был твоего равноправья сторонник,
Я им и остался...
При чем же здесь сонник,
Свеча и обличие карточной дамы?

Ведь ты же была героинею драмы!

1947

* * *

Из смиренья не пишутся стихотворенья,
И нельзя их писать ни на чье усмотренье.
Говорят, что их можно писать из презренья.
Нет!
Диктует их только прозренье.

1948

* * *

Я вижу твои страданья,
И мне самому тяжело.
Я сам обратил вниманье,
Что я причиняю зло.

Возьми и свяжи мне руки
И рот мне зажми. Замолчу.
Ведь я ни страданья, ни муки
Тебе причинить не хочу.

И свяжешь ты руки, но только
Не мне, а себе навсегда.
А зла причинить я нисколько
Тебе не хотел никогда.

1948

* * *

В чем убедишь ты стареющих,
Завтрашний день забывающих,
Спины на солнышке греющих
И о покое взывающих!
Но не легко собеседовать
С юными, кто не успел еще
Все на земле унаследовать:
Капища, игрища, зрелища,
Истины обнаженные,
Мысли, уже зарожденные,
Кисти, уже погруженные
В краски, уже разведенные.
Да! Сговориться со старыми
Так же не просто, как с малыми.
Движутся старые с малыми
Будто музейными залами,
Глядя в безумной надменности,
Как на окаменелости,
На золотые от зрелости
Ценности
Современности.

1948

АВГУСТ

Я помню
Сдержанную наглость,
Когда, потупив смутный взор,
В свои права вступил он, Август,
Всему и всем наперекор.

И говорит:
— Я был Июлем! —
Он был Июлем, говорит.
Идет он к полным меда ульям,
Багряный лист в венце горит...
Он был Июлем, говорит!

А может быть, он был и Маем,
Плясал, пастушек веселя,
И утверждал, что стала раем
Давным-давно уже Земля.

Быть может!.. Но прекрасно знаем:
Став Декабрем, он волчьим стаям
Оставил голые поля,
Под серебристым горностаем
Бич леденистый шевеля.

И лишь тогда,
Во время стужи,
Оледенившей нам уста,
Мы вспомнили:
«О, почему же
Не различили мы спроста,

Что там,
В листве еще густейшей
Среди дворцов и базилик,
Возник
Вот этот августейший
Надменный лик?!»

1948

ИВА

Как сильно
Изменилась ива
За эти семь весенних дней!
Так все меняется, что живо.
Я знаю, что случилось с ней.

Так изменилась вся дубрава
За эти семь весенних дней:
Все стало ново, величаво —
От веточек и до корней.

Так все меняется, что живо:
Ручьи сливаются в поток,
Из пашни возникает нива,
И хлопок, в сущности цветок,
Приобретает силу взрыва.

И вот какою стала ива
За эти семь весенних дней,
За дни весеннего разлива,
Неощутимого для пней!

1949

* * *

И вскользь мне бросила змея:
— У каждого судьба своя! —
Но я-то знал, что так нельзя —
Жить, извиваясь и скользя.

1949

ДУ́ХИ

Когда
Художник
Первобытной эры
Изобразил летающих людей,
Столпились старцы у его пещеры
Один другого толще и седей.

Сказали старцы:
— Что это такое?
Ты ящеров не так изобразил,
Черты их дерзновенно исказил
Своею легкомысленной рукою!
А это что? Ни люди и ни мухи!

Тогда художник допустил обман.
Сказал он старцам первобытных стран:
— Мне откровенье было. Это — духи!

1949

* * *

В эту душную ночь
Я беседовал с богом.
Говорили, казалось, не очень о многом.
Я ему говорю:
— Покажи чудеса. —
Он в ответ:
— Не седеют твои волоса,
Не редеют — вот это и есть чудеса!
Не тощают ни руки, ни ноги твои.
Хоть известны мне многие муки твои.
Ведь подумай: ходил по таким ты дорогам,
По таким ты оврагам бродил и отрогам,
Где, как кровь, солона и багряна роса...
Ты прошел их — вот это и есть чудеса!

1949

* * *

Что с тобою,
Небо голубое?
Тучи, тучи целою гурьбой.
Ох, и море, мутное, рябое,
Будто истомленное борьбой.
Но раскаты тяжкого прибоя
Говорят наперебой:
— Что с тобою,
Небо голубое?
— После боя
Небо голубое!
Голубое
Небо
Над тобой!

1949

КЛИНОК

Снег,
Весь истыканный лучами,
Нахохлился и в землю врос,
Но все ж студеными ночами
Кой-что дарит ему мороз.

Почти тепло,
Но только все же
Взгляни:
В тени,
Когда идешь,
Поверженная стужа
Лежа
Еще в руке сжимает нож.

Там
В тишине
Лежит
У ног,
А в пятерне
Дрожит клинок.

Как полумертвыми врагами,
В такие дни, среди весны,
Мы полумертвыми снегами
Окружены.

Они
В тени
Лежат
У ног,
Но ты взгляни:
Зажат
Клинок!

1950

УДАЧА

Жизнь моя все короче, короче,
Смерть моя все ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю все четче и четче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.
Я не видел все это когда-то,
Я не знаю... Жизнь кратче и кратче,
А на небе все тучи и тучи,
Но все лучше мне, лучше и лучше,
И богаче я все и богаче.

...Говорят, я добился удачи.

1950

УСТАЛОСТЬ

И все, о чем мечталось,
Уже сбылось,
И что не удавалось,
То удалось.
Отсталость наверсталась
Давным-давно.
Осталась лишь усталость —
Немудрено!

Усталость разрасталась
В вечерней мгле,
Усталость распласталась
По всей земле,
Усталость становилась
Сильнее нас.
Но где ж, скажи на милость,
Она сейчас?

Прилег ты напоследки,
Едва дыша.
Но ведь в грудной-то клетке
Живет душа!
Вздохнул. И что же сталось?
Твой вздох, глубок,
Повеял на усталость,
Как ветерок.

Вот тут и шевельнулась
Она слегка,

Как будто встрепенулась
От ветерка,
И — легкая усталость,
Не на века,—
Развеялась, умчалась,
Как облака.

1950

* * *

Такие звуки есть вокруг,
Иными стать их не заставишь,
Не выразишь посредством букв,
Не передашь посредством клавиш.

И поручиться я готов:
Иную повесть слышать слышим,
Но с помощью обычных слов
Ее мы все же не запишем.

И своевольничает речь,
Ломается порядок в гамме,
И ходят ноты вверх ногами,
Чтоб голос яви подстеречь.

А кто-то где-то много лет
Стремится сглаживать и править.
Ну что ж! Дай бог ему оставить
На мягком камне рыбий след.

1950

31 ДЕКАБРЯ 1950 ГОДА

Зима.
Снежинка на реснице,
И человеку детство снится.
Но уйма дел у человека,
И календарь он покупает,
И вдруг он видит:
Наступает
Вторая половина века.

Наступит...
Как она поступит?

— Ну, здравствуй! — скажет.—
Праздник празднуй! —
И вместе с тем
Она наступит
На глотку
Разной
Мрази
Грязной.

Предвижу
Это наступленье
На всех отступников презренных!

Об этом,
Словно в исступленье,
Декабрьский вихрь ревет в антеннах,
Звенит в зерне, шуршит в соломе,
Ломает хворост в буреломе...

Двадцатый век на переломе!

1950

* * *

У ночи — мрак,
У листьев — шум,
У ветра — свист,
У капли — дробность,
А у людей пытливый ум
И жить упорная способность.

И мы живем...
Но дело в том,
Что хоть и властны над собою,
Но в такте жизненном простом
Бывают все же перебои.

Не можешь распознать врага
И правду отличить от лести,
И спотыкается нога
Как будто и на ровном месте.

Но лишь
Оступишься вот так —
И все на место станет разом:
И шум листвы, и свет, и мрак.
И вновь навеки ясен разум!

1951

ПРОРОКИ

Я не терплю пророков,
И если их встречаю —
Во множестве пороков
Тотчас же обличаю:

— Пророки вы, пророки,
Чего же вы глядели,
Опять в конечном сроке
Ошиблись на неделю.

Нельзя ли без мороки! —
И с моего порога
Уходят прочь пророки.
Туда им и дорога!

1951

ПТИЦЫ

А птицей стать я не хотел бы,
Быть соловьем я не желаю.

Сама подумай, —
Прилетел бы,
На подоконник сел бы с краю,
И ты б сказала:
— Что за птица
На подоконнике томится,
Стучит в стекло летучим телом?

А я в стремленье неумелом
Царапал перьями стекло бы.
К чему все это привело бы?
Ты форточку бы приоткрыла,
Влетел бы я. Как это мило!
В твою ладонь упал бессильно.
Ты к черту выгнала бы кошку,
Подумала,
Поймала мошку,
Схватила булочную крошку
И в клюв мне всунула насильно,
И досыта бы накормила,
И, повторив:
— Как это мило! —
Поцеловала бы губами.

Так мы становимся рабами.
...Я никогда не буду птицей!

1952

* * *

Вот
Корабли
Прошли
Под парусами;
Пленяет нас
Их плавная краса;
Но мы с тобой прекрасно знаем сами,
Что нет надежд на эти паруса.

Вот
Умер пар,
И старым кочегарам
Дана отставка;
И не дышишь ты
Чугунных топок беспощадным жаром,
Где тлеют допотопные пласты.

Нет,
Мы не так препятствия тараним!
Заменены на наших кораблях
И пар
И парус
Внутренним сгораньем,
Чтоб кровь земли
Пылала в дизелях.

И, что ни день,
То пламенней желанья,
И по ночам усталость не берет...
Вот
Внутреннее мощное пыланье,
Которое толкает нас вперед!

1952

* * *

Примерзло яблоко
К поверхности лотка,
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит еловое полено...

Все это значит, что весна близка!

1952

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы,—
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это простое уменье
Видеть грядущее въявь!

1952

* * *

И снова
В небе
Вьются птицы:
Синицы,
Голуби,
Стрижи...

Но есть же все-таки границы,
Пределы, точки, рубежи!

Эй, вы!
Бессмысленно не вейтесь!
Равняйтесь там к плечу плечо,
На треугольники разбейтесь,
Составьте что-нибудь еще!

Но все же
Мечутся,
Виляют
И суматоху развели,
Как будто бы не управляет
Никто решительно с земли.

Неутешительно!
Печально!
Выходит, что управы нет.
Летают, как первоначально —
Тому назад сто тысяч лет.

— Довольно! —
Я сказал.— Вмешаюсь!
По радио я прикажу.

И все ж
Вмешаться не решаюсь, —
Остановился
И гляжу.

1953

* * *

Я помню:
Целый день
Все время
Падал снег
И всею тяжестью
Висел на черных сучьях.
Но это шла весна:
Тянуло влагой с рек,
Едва проснувшихся
И прячущихся в тучах.

Тянуло
Влагой
С рек
И внутренних морей,
И пахло льдом,
Водой
И масляною краской.
Казалось — шли часы
Ни тише, ни быстрей,
А так же, как всегда,
На старой башне Спасской.

Но
Время
Мчалось так,
Как будто целый век
Прошел за этот день...
И не мешала вьюга,
Чтоб нес по улице
Какой-то человек
Мимозы веточку,
Доставленную с юга.

1953

* * *

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он ныне —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.

Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугунны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:
— О, тронь же!

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный,
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
— Это я! — говорит. — Это я ведь!
На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

1948—1954

СТРАУСЫ

Когда
Пахнёт
Великим хаосом —
Тут не до щебета веселого,
И кое-кто, подобно страусам,
Под крылья робко прячут головы.

И стынут
В позах неестественных,
Но все-таки и безыскусственных,
Забыв о промыслах божественных
И обещаниях торжественных,
Бесчувственны среди бесчувственных.

И смутные,
Полубесплотные,
Покуда буря не уляжется,
Одним тогда они встревожены:
А вдруг кому-нибудь покажутся
Ножнами их подмышки потные,
Куда, как шпаги, клювы вложены.

1954

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЯЩИК

Что песня?
Из подполья в поднебесье
Она летит. На то она и песня.
А где заснет? А где должна проснуться,
Чтоб с нашим слухом вновь соприкоснуться?
Довольно трудно разобраться в этом,
Любое чудо нам теперь не в диво.
Судите сами, будет ли ответом
Вот эта повесть, но она — правдива.

Там,
Где недавно
Низились обрывы,
Поросшие крапивой с лебедою,
Высотных зданий ясные массивы
Восстали над шлюзованной водою.
Гнездится
Птица
Меж конструкций ЦАГИ,
А где-то там,
За Яузой,
В овраге,
Бурля своей ржавеющею плотью,
Старик ручей по черным трубам скачет.
Вы Золотым Рожком его зовете,
И это тоже что-нибудь да значит...

...Бил колокол на колокольне ближней,
Пел колокол на колокольне дальней.
И мостовая стлалась все булыжней,
И звон трамвая длился все печальней.

И вот тогда,
На отдаленном рынке,
Среди капрона, и мехов, и шелка,
Непроизвольно спрыгнула с пластинки
Шальная патефонная иголка.
И на соседней полке антиквара,
Меж дерзко позолоченною рамой
И медным привиденьем самовара
Вдруг объявился
Ящик этот самый.

Как описать его?
Он был настольный,
По очертаниям — прямоугольный,
На ощупь — глуховато мелодичный,
А по происхожденью — заграничный.
Скорей всего, он свет увидел в Вене,
Тому назад столетие, пожалуй.
И если так — какое откровенье
Подарит слуху механизм усталый?
Чугунный валик, вдруг он искалечит,
Переиначит Шуберта и Баха,
А может быть, заплачет, защебечет
Какая-нибудь цюрихская птаха,
А может быть, нехитрое фанданго
С простосердечностью добрососедской
Какая-нибудь спляшет иностранка,
Как подобало в слободе немецкой,
Здесь, в слободе исчезнувшей вот этой,
Чей быт изжит и чье названье стерто,
Но рынок крив, как набекрень одетый
Косой треух над буклями Лефорта.

И в этот самый миг
На повороте
Рванул трамвай,

Да так рванул он звонко,
Что вдруг очнулась вся комиссионка
И дрогнул ящик в ржавой позолоте
И, зашатавшись, встал он на прилавке
На все четыре выгнутые лапки,
И что-то в глубине зашевелилось,
Зарокотало и определилось,
Заговорило тусклое железо
Сквозь ржавчину, где стерта позолота.

И что же?
Никакого полонеза,
Ни менуэта даже, ни гавота,
И никаких симфоний и рапсодий,
А громко, так, что дрогнула посуда,—
Поверите ли? — грянуло оттуда
Простое: «Во саду ли, в огороде».

Из глубины,
Из самой дальней дали,
Из бурных недр минувшего столетья,
Где дамы в менуэте приседали,
Когда петля переплеталась с плетью,
Когда труба трубила о походе,
А лира о пощаде умоляла,
Вдруг песня:
«Во саду ли, в огороде —
Вы слышите ли? — девица гуляла»!

1954

* * *

По существу ли
Эти споры?
Конечно же, по существу!
Рассудок может сдвинуть горы.
Когда мешают эти горы
Увидеть правду наяву.

По существу ли
Свищут пули?
Конечно же, по существу!
И что бы там они ни пели,
Но ведь огонь-то, в самом деле,
Идет не по абстрактной цели,
А по живому существу!

Огонь
Идет по человеку!
Все тяготы он перенес,
И всех владык он перерос —
Вот и палят по человеку,
Чтоб превратить его в калеку,
В обрубок, если не в навоз.

Итак,
К какому же решенью
Он, человек, пришел сейчас?
Он, человек, пришел к решенью
Не быть ходячею мишенью
Для пуль, и бомб, и громких фраз!

И человек вступает в споры,
Конечно, только для того,
Чтоб, не найдя иной опоры,
Взять и однажды сдвинуть горы
С пути людского своего!

1954

СОН ЖЕНЩИНЫ

Добрая женщина,
Пожилая,
Мне рассказала, что видела сон —
Будто бы с неба спустился, пылая,
Солнечный луч, и попался ей он
В голые руки, и щекотно, колко
Шел сквозь него электрический ток...
Кончик луча она вдела в иголку —
Вздумала вышить какой-то цветок,
Будто из шелка... И тем вышиваньем
Залюбовался весь мир, изумлен.

Женщина, с искренним непониманьем,
Робко спросила: — К чему этот сон?

Я объяснил ей, что сон этот — в руку!
Если уж солнцем пошла вышивать —
Это не склоку сулит и не скуку,
И неприятностям тут не бывать.
Это навеяно воздухом вольным!
Ведь не способно ни рваться, ни гнить
Даже в ушке этом тесном игольном
Великолепная светлая нить.

— Будьте,— сказал я,— к удаче готовы!
Так не приснится и лучшей швее
В перворазрядном большом ателье.

Женщина робко сказала:
— Да что вы!

1954

ХУДОЖНИК

Художник
Писал свою дочь,
Но она,
Как лунная ночь,
Уплыла с полотна.

Хотел
Написать он
Своих сыновей,
Но вышли сады,
А в садах —
Соловей!

И дружно ему закричали друзья:
— Нам всем непонятна манера твоя!

И, так как они не признали его,
Решил написать он себя самого.
И вышла картина на свет изо тьмы,
И все закричали ему:
— Это мы!

1954

* * *

Над гулким руслом душных улиц
С киосками фруктовых вод,
Как удочки, деревья гнулись,
Томясь, что ветер не клюет.

И ливень, столь могуч и славен,
Вдруг хлынул с высоты небес,
Что у гудрона вырос плавень,
Потоку встав наперерез.

В садах, седых и еле видных,
Везде, куда ни посмотри,
В обличье молний шаровидных,
Мерцая, всплыли фонари.

И всякий сор угнало в люки.
...Погода чудная была:
Деревья гнулись, точно луки,
А ветер мчался, как стрела!

1955

* * *

Хочется
Сосредоточиться
И припомнить,
Как за шагом шаг
Этот мир рождался,
Чтоб упрочиться
В первобытном хаосе;
И как
Приходилось в этом мире,
Созданном
Собственною кровью
И трудом,
Подыматься к звездам,
Скупо розданным
Прямо с неба
В сумраке седом;
Совладать со всяческою нечистью,
Делать все,
Чтоб вновь не грянул бой;
Столковаться с целым человечеством
И остаться
Все ж
Самим собой!

1955

РУИНЫ

Жизнь руин!
Всегда полна обид она:
Разрешения на воскрешение
Не дано, но так же и не выдано
Разрешения на разрушение, —
Как же можно, где же это видано!
И стоит их видимо-невидимо,
Блещущих
Надменно —
Необыденно!

1955

ГОЛУБИ

Плясали
Голуби веселые
Вблизи Манежа на гудроне.
А тучи сизые, тяжелые,
Клубясь, росли на небосклоне.

Багровое
Взметнулось полымя
Над рокотом аэродрома.
А голуби, как будто голые,
Неслись на сизом фоне грома.

Промчалась
Буря небывалая,
Открылись снова фортки, двери.
А голуби, прозрачно-алые,
Висели, будто в стратосфере.

О, неужели
Эти самые,
А не какие-то иные,
Взъерошив перышки упрямые,
Поблескивали, как стальные?

Да,
Эти вот, легко летящие,
А не какие-то другие,
Сейчас, стряхнув броню блестящую,
Купались в ливне, как нагие!

В садах
Пестра листва осенняя.
А голуби, те и не те же,
К ногам другого поколения
Садятся около Манежа.

1955

ШКВАЛ

И снова
Мир
За что-то впал в немилость:
Промчался вихрь, напитан дымной пылью,
Как будто бы, поджав стальные крылья,
Какая-то промчалась эскадрилья
И, глухо взвыв, за горизонтом скрылась,
И рожь в полях коленопреклонилась,
Но распрямилась, хоть не без усилья,
И охнуло колосьев изобилье,
И равновесие
Восстановилось.

1955

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Гидролог
Или не гидролог,
Ты не был глух и не был слеп,
И путь твой был суров и долог
В пустыне, где не зреет хлеб.
Она вставала из полыни,
Горько-соленая заря,
И знал ты: в глубине пустыни
Кипят подземные моря.

К земле ты нагибался часто,
Отыскивая неспроста
В пластах то отпечаток ласта,
А то и рыбьего хвоста.
Пусть были временем затерты
Едва заметные следы,
Но видел ты каналы, порты
И будущие сады.

Тебя считали фантазером,
Который вечно ходит вброд
По испарившимся озерам,
Все делая наоборот.
Но видел ты, как, воду пеня,
Идут к причалам корабли.
Нет, не терял ты представленья
О будущем
Своей земли!

1955

ДЕДАЛ

И вот
В ночном
Людском потоке
Мою дорогу пересек
Седой какой-то, и высокий,
И незнакомый человек.

Застыл он
У подножья зданья,
На архитектора похож,
Где, гикая и шарлатаня,
Толклась ночная молодежь.

Откуда эта юность вышла
И к цели движется какой?
И тут сказал мне еле слышно
Старик, задев меня рукой:

— С Икаром мы летели двое,
И вдруг остался я один:
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын.

Я вздрогнул.
— Что вы говорите?
— Я? Только то, что говорю:
Я лабиринт воздвиг на Крите
Неблагодарному царю.

Но чтоб меня не заманили
В тот лабиринт, что строил сам,
Себе и сыну сделав крылья,
Я устремился к небесам!

Я говорю: нас было двое,
И вдруг остался я один:
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын.

Куда упал? Да вниз, конечно,
Где люди по своим делам,
Стремясь упорно и поспешно,
Шагали по чужим телам.

И ринулся я вслед за сыном.
Взывал к земле, взывал к воде,
Взывал к горам, взывал к долинам.
— Икар! — кричал я. — Где ты, где?

И червь шипел в могильной яме,
И птицы пели мне с ветвей:
— Не шутит небо с сыновьями,
Оберегайте сыновей!

И даже через хлопья пены
Неутихающих морей
О том же пели мне сирены:
— Оберегайте дочерей!

И этот голос в вопль разросся,
И темный собеседник мой
Рванулся в небо и унесся
Куда-то прямо по прямой.

Ведь между двух соседних точек
Прямая — самый краткий путь,
Иначе слишком много кочек
Необходимо обогнуть.

И как ни ярок был прожектор,
Его я больше не видал:
Исчез крылатый архитектор,
Воздухоплаватель Дедал!

1955

ЗЕМЛЯ

Одно
Волнение
Уляжется —
Другое сразу же готовится,
А мир еще прекрасней кажется;
Еще желаннее становится
Земля,
Укатанная гладкими
Посадочными площадками,
Увешанная виадуками,
Источенная водостоками,
Набитая золой и туками,
Насквозь пронизанная токами...

А там, вдали, —
Вчера пустынная,
Земля целинная, былинная,
Забытая и вновь открытая,
Степными ливнями омытая,
Нигде как будто не кончается...
Над ней
Заря с зарей встречается.

Вот этим месяц май и славится
И соловьями славословится.
Земля, великая красавица,
Еще прекраснее становится!

1955

НОЧЬЮ

Этой
Ночью,
Ночью летней,
Вьется хмель тысячелетний
По железу,
По бетону,
По карнизу,
По балкону.

Что
Творится
Там, за шторой,
Той вот самой, за которой
В мученические позы
В мутных вазах встали розы?

Чем же
Тут могу помочь я?
Может быть, вот этой ночью
На балкон пробраться снизу
По железу,
По карнизу
Цепко, с выступа на выступ,
Взять и пыль
И хмель
На приступ,
У окошка очутиться,
Стукнуть, будто клювом птица,
Чтоб окно ты распахнула.

Ты бы встала
И взглянула —
Что за птаха залетела?
Ничего не разглядела,
У окна бы постояла,
А закрыть — не захотела.

И не надо,
И не трогай,
И напрасно закрывала:
Я иду своей дорогой,
Как ни в чем и не бывало!

1955

* * *

Будто
Впрямь по чью-то душу
Тучи издалека
С моря движутся на сушу
С запада, с востока.

Над волнами
Временами
Ветер возникает,
Но волнами,
А не нами
Грубо помыкает.

Он грозится:
— Я возвышу,
А потом унижу! —
Это я прекрасно слышу
И прекрасно вижу.

Возвышенье,
Униженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге
Оставались только лужи
На большой дороге.

Но чего бы это ради
Жарче керосина

Воспылала в мокрой пади
Старая осина?

Я ей повода не подал,
Зря зашелестела.
Никому ведь я не продал
Ни души, ни тела.

Огненной листвы круженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

1955

* * *

О, годовщины,
Годовщины,
Былые дни,
Былые дни,
Как исполины
Встают они!
Мы этих дней
Не позабыли,
Горим огнем
Тех дней,
В которые мы жили
Грядущим днем.

И в час,
Когда опять двенадцать
На башне бьет,
Когда дома уже теснятся,
Чтоб дать проход
Неведомым грядущим суткам,
Почти мечтам,
Вновь ставлю я своим рассудком
Все по местам.

Да,
Он назад не возвратится —
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,
Чтоб никогда мы не забыли,
Каким огнем
Горели дни,
Когда мы жили
Грядущим днем.

1955

НЕПОДВИЖНОСТЬ

Неподвижность
Громоздилась,
Точно туча грозовая,
И под нею зародилась
Свистопляска пылевая.

В буревые
Барабаны
Барабанщики забили,
Пылевые ураганы
Пыль над миром заклубили.

И понесся,
И понесся
Вихрь, движение рождая,
На скрипучие колеса
Неподвижность взгромождая.

Но
Немедленно, тотчас же,
Как сама себе преграда,
Навалилась на себя же
Неподвижности громада.

И упала,
Раскололась,
Все разрушить угрожая,
Но не смяла даже колос
Молодого урожая.

1955

ЭХО

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах
И на всяческих пепелищах,
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, — это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо!
Очевидно, такая эпоха.

1955

ДУБ

Когда с полей пустых и голых
Уйдут последние машины,
Последний колос подобрав,
Ты птиц озябших, но веселых
Сгоняешь со своей вершины,
О дуб, великий князь дубрав!

Бушуешь ты, огромный, темный,
Под стынущими небесами.
И, как в ответ, несется крик
Многоголосый, неуемный:
— Зима близка — мы знаем сами,
Нам не указывай, старик!

Но ты шумишь. В такую ярость
При виде юношеских, дерзких,
Восторгом искаженных лиц
Сановная приходит старость
В своих регальях камергерских,—
В такую ярость без границ!

Поглотит птиц туман осенний,
Войдут крылатые их клинья
В диагональ сплошных дождей,
Но разве меньше потрясений
Тебе, о дуб, готовят свиньи,
Искательницы желудей?

Не чувствуешь, что подкопаться
И под тебя, царя лесного,
Идут их мирные стада?
То чувство может просыпаться,
Но если рано — дремлет снова,
А если поздно — что тогда?!

<1956>

* * *

— Будьте
Любезны,
Будьте железны! —
Вашу покорную просьбу я слышу.—
Будьте железны,
Будьте полезны
Тем, кто стремится укрыться под крышу.

Быть из металла!
Но, может быть, проще
Для укрепления внутренней мощи
Быть деревянным коньком над строеньем
Около рощи
В цветенье
Весеннем?

А! Говорите вы праздные вещи!
Сделаться ветром, ревущим зловеще,
Но разгоняющим все ваши тучи,—
Ведь ничего не придумаешь лучше!

Нет!
И такого не дам я ответа,
Ибо, смотрите, простая ракета
Мчится почти что со скоростью звука,
Но ведь и это
Нехитрая штука.

Это
Почти неподвижности мука —
Мчаться куда-то со скоростью звука,

Зная прекрасно, что есть уже где-то
Некто,
Летящий
Со скоростью
Света!

<1956>

ЧИСТОЕ НЕБО

Не ювелирные изделия,
Не кости для пустой игры,
Не кружевные рукоделия
И не узорные ковры,
Не шелка облако душистое,
Не цирк
И даже не кино,
А покажу вам небо чистое.
Не видывали давно?
Быть может, книгу перелистывая,
Вы скажете:
Какое мглистое,
Какое смутное оно!
Бывает так...
Но все равно
Я покажу вам
Небо чистое.

1945—1956

ПЕРВОРОДСТВО

По мненью бедноты,
Мы — богачи:
У нас все сказки делаются былью
И вообще, что хочешь получи,—
Нам вручены ключи от изобилья.

По мненью богачей,
Мы — беднота,
Чьи беды в Лету канули бесследно.
Им невдомек, что жизнь безбедна та,
Которую мы создали победно.

А мы — не богачи, не бедняки.
Мы те, которых не бывало прежде.
И прошлогоднейшие ярлыки
Вы к нашей не пришпилите одежде.

Сказать точнее:
Есть у нас черты,
В которых ни малейшей капли сходства
С чертами богачей и бедноты...
Здесь речь идет о праве первородства!

1956

* * *

Как все это случилось, в самом деле?
Двадцатый век, с чего он начался?
Мелели реки, и леса редели...
Но в сизые от дыма небеса
Аэропланы ухитрились взвиться,
И мгла не преградила им пути.
И на земле сумели объявиться
Те, кто решились этот мир спасти,
Чтоб снова плодородной и сырою
Измученная сделалась земля,
И сутью государственного строя
Не мнились бы ни штык и ни петля,
И двери тюрем полетели с петель,
И чтоб искусство не было мертво...
А ты не только этому свидетель —
Свидетелями этого всего
Пусть остаются ветхие бойницы
И рыхлый камень вековечных стен,—
Ты не свидетель! Ты, как говорится,
Виновник этих самых перемен.
Ведь все ж не вихрь весенний иль осенний
Бесповоротно пробудил умы,—
Виновники великих потрясений
И их творцы не кто-нибудь — а мы!

1956

* * *

О вы, которые уснули
Меж двадцатью и сорока
От яда, от петли, от пули,
Елея или коньяка —
Вы, Лермонтов, Есенин, Шелли
И Сирано де Бержерак,
Я спрашиваю:
— Неужели
Я старше вас? —
Да, это так!

И каждый, кто своей рукою
Коснулся острого пера,
Чтоб больше не иметь покоя,
Тот должен знать — она стара,
Та истина, что в самом деле,
Будь моложав ты или сед,
Ты старше Байрона и Шелли,
Вергилия и Руставели,
Ты старше, если ты — поэт!

1956

ДРЕМА ЛУГОВАЯ

Господи Исусе, чудно под Москвой,
В Рузе и в Тарусе, в дреме луговой!

Дрема луговая! Это к ней вчера
Не переставая липла мошкара.
Сока из надлома не дал бледный хвощ.
Чувствовала дрема: утром будет дождь!

То-то белокрыльник вовсе изнемог!
Будет в серый пыльник кутаться восток.
Смерчик еле зримый, предрассветно мглист,
Пронесется мимо, как мотоциклист.

Глухо тарарахнет предрассветный гром,
Там, где в гнездах пахнет пухом и пером.

И взлетит от грома
Мошек целый рой,
Как с аэродрома,
С дремы луговой!

1956

СВОБОДА

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.

И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе!
За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.
Я должен делать так, по крайней мере,
Поскольку сам уже ничем не связан
И стал, как говорится, вольной птицей.
Всему и всем я помогать обязан
Освободиться!

Освободиться!
Разве это просто?
Не говоря уже о человеке,
Который ищет помощи, опоры,
Чтоб сдвинуть с места всяческие горы
И обуздать бушующие реки,
Не говоря уже о человеке,
И сами горы возглашают часто,
Что от безлюдья стонут их ущелья,
И сами реки тоже просят моста
И изнывают от бескорабелья.
Шипит пустыня, что под нею море,
До коего столь просто докопаться.
Легко ли все ж какой-нибудь Сахаре
В одних песках купаться и купаться?

Давно пора покончить с этим адом!
И в то же время
Близко, где-то рядом,
Атлантика бушует неустанно
И повествуют острова пространно
О бешенстве другого океана,
Который хочет их бесследно слопать.

Да океан ли только, в самом деле?
Я вижу пепел, чую дым и копоть,
И пот, и кровь на истомленном теле.
И я употреблю свою свободу,
Чтоб острова на воздух не взлетели,
Материки не провалились в воду
И целые миры не опустели.
Бороться буду я за все живое,
И должен я со всеми столковаться,
И каждому хочу лишь одного я:
Действительно
Свободы
Добиваться!

1948—1957

ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы
Видели ее,
Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лесть —
Все потеряло цену.

На пыльной мостовой
С опавшею листвой
Керенок прах мешала,
По-своему решала.
Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравненье с мужиком,
Упорно прущим с фронта.
И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.

Шла осень горячо.
Шли толпы. Страшен гнев их.
Вас не было еще
И в материнских чревах,

Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,
Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!

1957

XXI ВЕК

Мы
С ним
Толкуем,
Как с учеником,
Стремясь внушить одно, другое, третье,
Вооружая русским языком,
Пригодным для грядущего столетья,
Чтоб речь его, пускай не целиком,
Но все-таки, как наша, зазвучала,
Когда войдет еще не стариком
В грядущий век, верней — в его начало.
И ты ему худого не скажи,
Чтоб всякие пустые междометья
Он не тащил с собой за рубежи,
В пределы
Двадцать первого
Столетья.

1957

ШАГ

Сделан шаг.
Еще не отхрустела
Под подошвой попранная пыль,
А Земля за это время пролетела
Не один десяток миль...
Множество каких-то древних стадий,
Русских верст, китайских ли —
Все это осталось где-то сзади.
И назад не повернуть Земли,
И не забежать, опережая,
И ее в объятиях не сжать;
Умоляя или угрожая,
Все равно ее не задержать —
Эту Землю,
Землю, на которой
Захрустел под микропорой шлак,
Землю, послужившую опорой,
Чтобы сделать
Следующий
Шаг!

1957

* * *

Столь грубо
Март еще не поступал.
Смотрите-ка: не им ли сшиблен с ног,
На спинку месяц трепетно упал,
Совсем как новорожденный щенок.

И это значит — будут холода
Выстаивать до самого конца,
Затем чтоб не исчезла никуда
У вас с ресниц колючая пыльца.

Все потому, что было так тепло
И в декабре, и позже в январе,
А вот теперь, как будто бы назло,
Гора никак не тает на дворе.

Что говорить! Зима свое берет.
Она не отступает ни на пядь.
И — видите — сующихся вперед
Стремительно откидывает вспять.

Да и в газетах вы могли прочесть
О яблоньке, расцветшей будто в честь
Уничтоженья зимних холодов.
Где этот цвет? Пропал он без следов!

И в этот год не даст она плодов,
И это даже вовсе и не месть,
А может быть, скорей наоборот!

И просто так, как волосы со лба,
Стремительно сующихся вперед
Откидывает хмурая судьба!

1957

* * *

Глаза —
Как окна
На рассвете
Темны из-под нависших крыш.
Две ночи ты не спал, и третью
Ты по инерции не спишь.

Огонь,
Испепелив поленья,
Печь нагревает горячо.
От яростного утомленья
Мысль обостреннее еще.

Такая
У тебя усталость,
Настолько переутомлен,
Что лишь одно теперь осталось —
Оберегать мой чуткий сон.

Твои
Полусомкнутся веки,
И явится желанье сна
Лишь только в следующем веке,
Чья видимость уже ясна.

1957

НОЯБРЬСКИЙ СНЕЖОК

Мерцает
В полете
Ноябрьский снежок.
О перевороте
Он память зажег,
О перевороте
В умах и сердцах...

Вы, дети,
Поете
О ваших отцах,
О той беспримерной
Страде боевой
На подступах к первой
Зиме буревой,
О тяжкой работе
Гранат и штыков,
О перевороте
На веки веков.

Кожурки картошки,
Печурочный дым,
Седые дорожки
Промчавшихся зим!

С ознобом по коже
Управился мех,
Но все же, но все же
Остался у всех
В крови и во плоти
Ноябрьский снежок.

Куда ни пойдете —
Он звезды зажег.
Куда ни придете —
Поведает он
О перевороте,
Который
Свершен.

1957

ЛЮДИ

Люди,
В общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.

Люди
Многое выносят:
Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают.
Но уж если взрыв за взрывом, —
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.

Люди,
В общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилья
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счета.
Не по людям их работа!

Люди,
В общем,
Мало верят
В заклинанья, в пентограммы,
А своею меркой мерят
На фунты и килограммы,

И на ярды, и на метры.
Счет иной еще не начат.

Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!

1958

ПТИЦА

Во Флоренции
Я видел птицу,
Нарисованную возрожденцем.
Эта птица по излому крыльев
Мне напомнила одновременно
Птеродактиля и самолет.

Птицу написавший вдохновенно
Мастер, повседневность пересилив,
Видел все, что вкруг него творится,
И назад, и на века вперед.

1958

ВЕСНА

Весна
Стояла затяжная:
По снежной глади неподвижной
Все тот же след тянулся лыжный,
Когда исчезнет, сам не зная.

Туманной этою весною,
Казалось,
Не дождешься зною:
Все было холодно и голо,
И по затонам пароходы,
Не ожидая ледохода,
Уже просили ледокола
Помочь им, носом в льдинах роясь.

Весна
Ждала,
В туманах кроясь.
Она была в лесах по пояс,
Как недостроенное зданье...
Но,
Нагоняя опозданье,
Вдруг понеслась, как скорый поезд.

Листва
Деревья покрывала
Поспешно со всего размаха,
Чтоб вещая кукушка-птаха
На голый лес не куковала.

Апрель и май
В одно сплетались
На циклопической арене,
И яблони, как кони в пене,
Встав на дыбы, так и остались,
Но тоже на одно мгновенье.
Мгновенье полного расцвета.

И сразу
Наступило
Лето!

1959

НЕБО И ЗЕМЛЯ

В расширяющейся вселенной, —
Если это действительно так, —
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простак?

Эти споры о красном смещенье,
Возле них создаваемый шум
Не приводят в смущенье
Твой ум.

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К земле.

Всё
Стремится
Здесь сблизиться, слиться:
В косяки собираются птицы,
В элеваторы льется зерно,
И, устав проклинать и молиться,
Людям хочется быть заодно,
Чтобы спорился труд вдохновенный,
Окрыляя людские сердца
В этом мире,
Вот в этой вселенной,
Расширяющейся
Без конца!

1959

ПАН

Давно
Окаменела Афродита,
До дырок износилась козья шкура,
Которой опоясывалась Греция,
Но хитрая догадка Демокрита,
Дойдя до римлян через Эпикура,
Воскресла в изложении Лукреция.

И плыл
Корабль среди Архипелага,
И донеслись отчаянные крики
До мореходов с острова пустынного, —
Сатиров безутешная ватага
Заголосила: — Умер Пан Великий!
Скончаются все боги до единого!

Но все-таки
Не все исчезли боги:
Есть терем на земле Замоскворечья,
Там под медвяным серпиком на убыли
Сам древний Пан, мохнатый, козлоногий,
Из полутьмы мечтателям навстречу
Дудит в дуду о милом друге Врубеле.

1960

ОКТЯБРЬ

Октябрь
Опавшую листву
Топтал, швырял, кружил,
Но с грезящими наяву
Фантастами дружил.

Он звездоплавателя сны
Не посчитал за блажь,
И вот поэтому с Луны
Сияет вымпел наш.

Октябрь порвал немало уз,
И, грубо говоря,
Проветрились чертоги муз
Ветрами Октября.

Он, кривде затыкая пасть,
Обуздывал корысть.
Свободой упивалась всласть
Новаторская кисть.

И озарилась мгла кулис
Новаторским лучом.
Ведь вот откуда мы взялись
И выросли на чем!

1960

ВОСПОМИНАНЬЯ

Надоело! Хватит! Откажусь
Помнить все негодное и злое —
Сброшу с плеч воспоминаний груз
И предам забвению былое.

Сбросил! И от сердца отлегло,
И, даря меня прохладной тенью,
Надо мною пышно расцвело
Всезабвенья мощное растенье.

Но о чем мне шелестит листва,
Почему-то приходя в движенье
И полубессвязные слова
В цельные слагая предложенья?

Либо листья начал теребить
Ветерок, недремлющий всезнайка:
— Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ну-ка хорошенько вспоминай-ка!

Либо птичьи бьются там сердца,
Вызывая листьев колебанье?
Но перебираю без конца
Я несчетные воспоминанья.

Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ведь такие случаи бывали.
...Нет! Воспоминаний не убить, —
Только бы они не убивали!

1960

СОЛНЦЕ

Хотя
Оно и село,
Скрываясь там, вдали,
Где сумрачно висела
Пылища всей земли,
А ночь-то все ж такая,
Что, где ты ни копни,
Мерцая и сверкая,
Появятся огни.

Сияньем налитые,
Несутся светляки,
Как будто золотые
Блестят в воде пески,
И пусть немного сонный,
Уже не столь могуч,
Луною отраженный
Его горючий луч,
Но солнце, солнце это!

И как ты ни финти,
От солнечного света
Не скрыться, не уйти,
И как ты ни ловчись там
И что ты ни бурчи,
Но солнце в небе чистом
Сияет и в ночи!

1960

ОБВАЛ

Был
Безмятежен
Мир долины —
Покой заречной стороны,
Где в этот полдень грели спины
На солнцепеке валуны,
И в придорожных канавах
Спокойно подсыхала слизь,
И лошади в осенних травах
Стреноженные паслись.

И вдруг
Как будто
От погони
Все скопом через реку вброд
Заковыляли эти кони
В деревню до своих ворот,
Как будто задрожало поле,
Шурша, заискрилось жнитво.
Откуда это? С неба, что ли?
Ведь мы оттуда ждем всего!

Нет!
Там
Не пахло потрясеньем.
Все авиавензеля
Висели в воздухе осеннем
Спокойно. Но сама земля
Заколебалась. Взмыли гривы,
И желтый лист забушевал...
Ведь все ж кругом не только взрывы, —
Быть может, попросту — обвал?

Сронил,
Быть может,
Праха груду
Обрыв какой-нибудь, ползуч?
Ведь столько есть еще повсюду
Таких неукрепленных круч,
Что камни, пролежав, быть может,
Тысячелетия ничком,
Вдруг, будто что-то их тревожит,
Кувыркнувшись, встают торчком.

Но,
Как всегда,
Над головою
Висел обрыв береговой.
И вдруг там появились двое.
Он бледен был. Был сам не свой.
Да и ее лицо бесстрастно
Зияло бледностью. И врозь
Они пошли. И было ясно —
Меж ними все оборвалось.

1960

* * *

Сколько ты ни шевелись там,
Подколодная змея, —
Интернационалистом
Был и впредь останусь я,

Ибо в глубине России,
Где родился я и рос,
Где узоры ледяные
На оконцах вил мороз,

И в степях фата-моргану
Порождал июльский зной —
Ощущал я постоянно,
Чем он дышит, шар земной.

Над равниной плодородной
И пустым солончаком
Телеграф международный
Мне о братстве пел людском.

И из кожаного меха
Мне кумыс цедили: «Пей!»
Люди юрт, где по лемеху
Тосковала гладь степей.

И ввели меня, младенца,
Под изгнаннический кров
Хмурые переселенцы
С прибалтийских хуторов.

И гудел железный кабель,
Старый датский телеграф:
«Люди — братья: Каин, Авель!»
И, конечно, был он прав.

И когда под хмурым небом
Гнали пленных с фронта в тыл,
Мы бедняг кормили хлебом,
Чтобы взор их не остыл.

Так вдали, в глуши, в Сибири,
На народ смотрел народ —
В представлениях о мире
Назревал переворот:

Для друзей — душа открыта,
Будь хоть смугл, хоть белокур...
И в степях боролся Тито,
А в урмане Бела Кун.

1960

НАСТОЯЩЕЕ

Настоящее —
Будто сбывшийся
Сон, мне снившийся
Так навязчиво.

Так и грезилось:
Лишь бы проснуться, и
Въявь наметятся
Эти конструкции,
Но не снящиеся,
А настоящее все,
И народ, ничего не боящийся
И за прошлое не цепляющийся.

Настоящее!..
Все это сбывшийся
Сон, мне столь неотвязчиво
Снившийся.
Но ведь все не во сне
Я выстроил!
Что досталось мне —
Въявь я выстрадал.

Кровью, пóтом все это пропитано.
И не зря наша сила потрачена —
Все испытано,
Все оплачено,
Все проверено,
Все заработано.

Здесь теперь оно.
Видите: вот оно,
Не изломано,
Не угроблено
И былому не уподоблено,
Наяву перед нами встающее,
Ничего нам забыть не дающее,
Ничего от нас не таящее
Настающее
Настоящее.

1960

* * *

Стихотворцы
Говорят стихами,
Пылкие ораторы — речами,
Солнце изъясняется — лучами,
Модницы — мехами и духами...

Я все это
Ясно ощущаю —
Я вдыхаю,
Слушаю,
Читаю,
Но в конце концов предпочитаю
Видеть собственными глазами
То, что звездам чудится ночами,
То, о чем трибуны не сказали...

И поэтов
Трудное молчанье
Иногда звучит
Как обещанье!

1960

НАЧАЛО НАЧАЛ

Но иногда
Сочинять стихи
Как бы разучивался я до конца, —
Не оставалось во мне ни крохи
Ни от желанья пленять сердца,
Ни от уменья вязать слова.
Было так иногда:
Ох, и болела моя голова,
Мучился, прямо беда!

И все-таки
Я и тогда не молчал,
А из полубессвязных речей
Все ж намечалось начало начал
Лучшего порядка вещей.
Вот они, горы черновиков!
Сколько я написал,
Не сосчитаю во веки веков
Даже, пожалуй, и сам.

Но
Когда чему-то приходит срок,
Я вспоминаю вдруг:
Вот и об этом несколько строк —
Дело моих рук.
Это я чувствовал, замечал,
Пусть иногда не вполне.
Но, убедитесь, начало начал
Этих вещей — и во мне!

1960

ПРОВОДЫ

Улицы
Перекрыты.
Люди — живая стена.

...Видимо, переплыта
Бездна еще одна,
Бездна противоречий
И нетерпимых вещей.

...Улицы жарче, чем печи,
Речи еще горячей.

Проводы состоялись.
Ввысь устремил самолет
Гостя, которому палец
Класть не положено в рот.

Плавно уходят моторы
С аэропорта назад.
Важные амбассадоры
Скрылись под сень амбассад.

Улицы снова как реки,
Как водопады метро.

Близятся сроки:
Навеки
Восторжествует добро.

1960

КУРСКИЙ ВЫСТУП

Помню
Над тобой, Орел,
Марево, как ореол.
Я проснулся утром рано.
Вот и луг среди тумана.
До чего же нежен луг,
Вероятно — Бежин луг.
Как прекрасно все вокруг!
И прекрасная поляна —
Это Ясная Поляна.

Только почему же вдруг
Ощетинились луга
Там, где жив пастух с дудою,
Вздрогнули в лугах стога,
Будто вспомнили врага?

Это — Курская дуга.
Вечно дышит кровь — рудою!

1961

ЗАРУБЕЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Пастбища,
Стрельбища,
Кладбища...

Видишь, кресты там стоят еще...
И существует мишень еще.
Есть еще ветер, шевелящий
Ветхое рубище
Чучела.
Вон и стрелок, в него целящий,
Видно, стрелять не наскучило.

Что за тяжелое зрелище!

1961

* * *

Надо
Зоркость,
Чтоб увидеть въявь
Все, что делается на белом свете.
Вот сейчас
Возьми себе представь
Нашей эры
Первые столетья.

Смутно понимали, что живут
На рассвете новой эры
Эти все — ну, как их там зовут? —
Варвары, жрецы, легионеры.

Кой-кому
Казалось, —
Все кругом,
Как всегда, в обычном беспорядке:
Крест тоскует о рабе нагом,
Зол патриций, промотав остатки;

Древней мудрости ученики,
Не меняя ни числа, ни слова,
Путают грядущего ростки
С пережитками былого;

И при этом, —
Так уж повелось! —
Даже и наивно торжествуют:
Докажите, мол, что началось
То, что для меня не существует?

А глядишь —
И убраны с арен
Праведники, задранные львами,
И у тех, кто кроток и смирен,
Нимб уже стоит над головами.

Над осмеянными — ореол,
В капищах совсем иное пенье.
Лишь одно, как встарь:
Никто не ввел
Новый способ летоисчисленья.

Но уж если
Это введено,
Так иного будто не бывало.
А оно, вот именно оно,
Испокон веков
Существовало!

1961

НАЧАЛО ЭРЫ

Вот она,
Иная эра —
Самое ее начало!

Я хочу, чтоб возле сквера
Пошлой песни не звучало;
Но и всяческим святошам
Много воли не давалось;
Я мечтаю о хорошем,
Чтобы въявь оно сбывалось.

Я хочу, чтоб запах пота
Не заполнил свежий воздух;
Чтобы копоть декапода
Не чернела бы на звездах —
Вот на этих близких, красных,
И фанерных, и стеклянных,
И на дальних, на неясных,
Недоступных и желанных.

Я хочу, чтоб прочь уплыли
Жирно-масляные пятна;
Чтоб одеты люди были
И обуты аккуратно;
Чтоб они не покупали
Книжек мутно-водянистых;
Чтоб они не колупали
Спичками в зубах дуплистых;
Чтоб исчезли все болезни,
Воспаленья и простуды;

Чтобы все суды исчезли
И исчезлы пересуды;
Чтоб пропали пошлость, косность —
Все, в чем прошлое погрязло;
Чтоб не занесли мы в космос
Ни единого миазма!

1961

* * *

Собственными
Корреспондентами,
Чье обличье стотысячелице,
Беспокойнейшими элементами
Скоро переполнятся столицы.

Фактами
Беспрецедентными,
Негодуя, недоумевая,
С собственными корреспондентами
Перекидывается жизнь живая.

Жизнь живую
Жажда перемен томит.
Эта жизнь, стремясь к иным пределам,
Собственными корреспондентами
Всех стремится сделать между делом.

Все вы
Вдруг становитесь моментами,
Как вы там себя ни величайте,
Собственными корреспондентами
Некоего органа печати...

О, печать причастности к эпохе!

1962

* * *

Много еще неясности
И там и тут.
Всяческие опасности
Нас стерегут.

Но я не заметил ненависти
К себе нигде, —
Надо лишь откровенно вести
Себя везде;

Надо лишь неизменно идти
Тропой своей,
Чтобы и через стены пройти
С толпой друзей;

Надо самозабвенно грести
Своим веслом,
Так чтоб всю пену ненависти
С волны снесло —

В бешеном мире зыбкости,
Где бьют в глаза
Брызги соленой жидкости:
Кровь, пот, слеза!

1962

В СТРАНЕ, ГДЕ ЗЕМЛЮ ВЗРЫЛИ ТАНКИ

В стране,
Где землю взрыли танки,
Стоит цветок в консервной банке
На алтаре перед Мадонной
Внутри капеллы разоренной.

Цветок
С головкою склоненной,
Торчит он из консервной банки,
Из опорожненной жестянки,
В которой был напиток детский.

И благосклонно, по-соседски,
В жестянку дождевой водицы
Вливает сумрачное небо
Через разрушенную крышу.

И в зеркальце воды глядится
Мадонна, Пресвятая дева,
Полуукрывшаяся в нишу,
Сама подобна иностранке
В стране,
Где землю взрыли танки.

1962

* * *

Одни
Ворчат мне:
— Будь умней! —
Другие просят:
— Будь наивней!

Одно другого мудреней...

Одни
Вопят:
— Сердитей будь!—
Другие стонут:
— Будь сердечней! —
Как будто бы хотят мне грудь
Раздуть,
Как некий мех кузнечный.

Иные —
Можно ль их винить! —
Задумали
Непогрешимой
Кибернетической машиной
Мне голову заменить.

А я
Таков, каков я есть.
Я знаю, уяснил давно я:
Одни
Хотят одно прочесть,
Другие же —
Совсем иное!

Но
Делаю я,
Что хочу,
За то меня земля и терпит:
Как молот, бью,
Как серп, блещу
И трепещу,
Как лунный
Серпик.

1962

УСПОКОИЛСЯ ВОЗДУХ

Успокоился воздух,
И дубравы, и нивы...
Только где-то на звездах
Какие-то взрывы.

На земле уже нет их,
И довольно, не надо!
Лишь на дальних планетах
Звучит канонада.

На земле нашей тоже
Так бывало когда-то —
На груди ее лежа,
Умирали солдаты,

Догорали селенья,
Вился пепел угасший...
«Это были мгновенья
Предыстории нашей!» —

Так бы крикнуть хотелось,
Что от всяких напастей
Прочь Земля отвертелась
И в беду не попасть ей.

Успокоился воздух,
Успокоились воды...
Только где-то на звездах
Воюют народы,

Города догорают,
Стреляют орудья
И невинных карают
Неправые судьи.

1962

СИЛА ТЯЖЕСТИ

Не грезится,
Я этого не выдумал,
А то и дело в руки лезут мне
Предметы, вещи тяжести невиданной,
Не соответствующей их величине.

Ведь иногда
Ложится у чернильницы
И лист бумажный, как свинцовый пласт,
И не пойму, во что все это выльется,
И помощи никто тут не подаст.

Да и перо
Такой огромной тяжести
Оказывается иногда в руках,
Что еле движется оно и кажется,
Что ничего не скажется в строках.

Бывало так
И с разными подарками —
Не сдвинул с места даже я иных,
Так и оставил где-нибудь под арками
И в темных нишах разных стран земных.

Так тяжелы
Находки были многие,
Что даже не решался их нести,
А оставлял до срока у дороги я,
Но в жизни нет обратного пути.

Все эти вещи
Тяжести немыслимой,

Порой как будто даже неземной,
Обуглены, заржавлены, окислены,
Как и сейчас лежат передо мной.

Но это все
Не с неба все же валится,
А зародилось на земле сырой.
Тут можно удивляться и печалиться,
Но я привык. И кажется порой:

Он попадется
В руки мои длинные,
Рычаг, такой весомости предмет,
Что, понатужась, Землю с места сдвину я,
Чего не мог и мудрый Архимед.

1962

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ

Я не прощаюсь,
Ибо недаром
Не возвращаюсь
В облике старом.
Да и ручаюсь:
Видеть дано вам,
Как возвращаюсь
В облике новом.

Не обольщаясь
Верою сладкой,
Я возвращаюсь
Горькой догадкой
И исключаюсь,
Будто бы ересь;
И возвращаюсь,
Силою мерясь,
И воспрещаюсь,
И, не смущаясь,
Я возвращаюсь;
И, возвращаясь,
Быть обещаюсь
Лучше и лучше.

Осенью поздней
Движутся тучи.
Осенью поздней
Листья умчались,
Будет морозней —
Я не печалюсь.

Веткой качаясь
Ранней весною,
Я возвращаюсь
В братство лесное.

И, не прощаясь
Все-таки с вами
И не прельщаясь
Даже словами,
Я не прощаюсь
Рукопожатьем,
Я возвращаюсь
Крепким объятьем!

<1963>

* * *

Тысяча девятьсот пятый —
Год рожденья моего!
Я не помню ни его набата,
Ни знамен и ни икон его;
И не помню, как экспроприатор
Вырывался из своей петли,
И того, как юный авиатор
Отрывался от сырой земли.

Где-то гибли, где-то шли на приступ,
Воздвигались новые леса.
Где-то Ленин целился в махистов,
В глубь вещей Пикассо ворвался,
Циолковский вычислял ракету,
Затрудняясь прокормить семью,
И Эйнштейн, еще неведом свету,
Выводил уж формулу свою.

Вот что над моею колыбелью
Колебалось, искрилось, лилось.
И каких бы стрел я ни был целью,
Сколько б их мне в тело ни впилось,
Сколько б трав ни выпил я целебных,
На каком бы ни горел огне —
Все же сказок никаких волшебных
Нянька не рассказывала мне.

1963

* * *

Не грозят мне
Ни топор, ни плаха,
И ни ночью, ни средь бела дня
Ощущения вины и страха
Не охватывают меня.

То есть, впрочем,
Чувствую вину я
И, пожалуй, даже и свою,
Что людей не слишком я волную
И довольно сладко я пою.

Да и страх,
Порою и жестокий,
Дикий я испытываю страх,
Что не очень годен я в пророки,
Погибающие на кострах.

В остальном же
Парень я рубаха
И испытываю лишь во сне
Ощущения вины и страха,
Наяву несвойственные мне.

1963

НАДО ЖИТЬ!

Рвутся нити,
Слабнут связи,
Надоевшие служить.
Но цветок храбрится в вазе:
«Надо жить!»
И трещат вершки в аршине:
«Надо жить!»
И вздыхает пар в машине:
«Надо жить!»
И орет бензин в моторе:
«Надо жить!»
И вскипают волны в море:
«Надо жить!»

Надо жить!
И очень долго,
Может быть...

И упорно, без умолку
Все взывает:
«Надо жить!»

1963

Я ПОДНЯЛ СТИХОТВОРНУЮ ВОЛНУ

Я поднял стихотворную волну,
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков
И вот решил: «Теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!»

Но я забылся не на сотни лет,
А стихотворный заблистал рассвет,
И не в мою он даже честь вставал,
А величайший наступил расцвет
Всего того, что я предсоздавал.

И будь я даже в сотни раз сильней —
Не мог бы на минуту хоть одну
Пресечь теченье стихотворных дней,
Объявших стихотворную страну!

1963

СТАРЫЕ ПОЭТЫ

Мы
Старые поэты,
Нас по счету
Не меньше, чем поэтов молодых.
От нас никто не требует отчета,
Ни от морщинистых, ни от седых.

Мы
Старые слова
Перебираем,
Что повторяли много, много раз,
И иногда мы будто умираем,
И на мгновенье забывают нас.

Но
Между тем
Мы часто воскресаем
И старые основы потрясаем!

1963

* * *

Был
Дождь как дождь,
Такой, как все дожди,
И я, в пылу от всяких мыслей злобных,
Воззвал к дождю:
— Хоть малость охлади!

И вдруг услышал лепет капель дробных:
— Конечно же! Находишься среди
Тебе не чуждых и во всем подобных.
И неизвестно, кто еще живей!

И по-людски взметнули вихрь ветвей
Стволы деревьев на лесной опушке,
И соловей запел среди ветвей...
— Кому ты подражаешь, соловей?

И соловей ответил мне:
— Лягушке!
А хочешь, так передразню оркестр,
Ведь ваши подражают мне певицы.
Здесь, в этом мире, все для всех существ!
Здесь все для всех! И нечего дивиться, —
Как нам понравится — так и поем!

И нефть, попав из бака в водоем,
Павлиний хвост внезапно распустила.
Она об органическом своем
Происхожденье снова загрустила.
И ветер закричал, что вообще
Нет меж природою живой и мертвой

Границ. И может в солнечном луче,
О, человек, блеснуть потухший взор твой.

Конечно, так!
Не знаю разве я,
Что слеплены из одного мы теста?!
И мысль, что разум есть и у зверья,
Не вызывает у меня протеста.
Я сговорюсь с молчанием камней
И с вами, рыбы, как и с вами, птицы!

Так почему же все же всех трудней
Нам, людям, меж собой договориться?

1964

САД АКАДЕМА

Не Академии фасад,
Возникший много-много позже,
Но Академа вижу сад —
И это не одно и то же:
Там Аристотель ходит.
Он
Твердит, что друг ему Платон,
Но истина еще дороже.

1964

МАТЬ МАТЕМАТИКА

Где она —
Грань между прозой, поэзией,
Точной наукой?
Поди ее выяви,
Связь эту, часто неясную.

В новой
Маленькой, тоненькой, изданной в Киеве
Книжечке о бионике —
В. Долятовского с Инной Пономаревой —
Вот что рассказано:

«Мать известного математика К. Гаусса видела невооруженным глазом фазы Венеры и некоторые спутники Юпитера».

То есть:
    Мать
    Математика
    К. Гаусса
    Видела
    Невооруженным глазом
    Фазы
    Венеры
    И некоторые
    Спутники Юпитера.

Это не фраза
Из прозаического рассказа.
Это — поэзия!
Стиль определяет тематика.

Вслушайтесь:
Мать
Математика
Гаусса...
Но не повторять же сначала все!

Видите:
Мать
Математика Гаусса
Все это видела въявь, а не грезила.
Это не мистика, не публицистика,
Это — поэзия!

1964

ПОЭТЫ

Когда
Того или иного
Поэта я перевожу, —
У них нередко слово в слово
Свои я мысли нахожу.

Вот этот
Лет на десять позже
Все то же написал, что я,
Хотя и внешне не похоже
И жизнь у каждого своя.

А этот
Раньше лет на двести
Мои речения изрек,
Как будто бы писали вместе, —
Один висел над нами рок.

Но, в общем,
И на рок не ропщем,
И, видя мир во всей красе,
Одну и ту же кривду топчем
Всегда по-своему мы все.

1964

* * *

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно, —
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Не думал бы Колумб, что Индии достиг,
И Данте не изобразил бы ада,
И множества других докладов, песен, книг
Была бы недоступна нам услада.

Пойду — у папы римского спрошу:
— В непогрешимости удобный до́гмат
Вы верите еще? —
И точно опишу,
Как губы папы
От улыбки
Дрогнут.

1964

* * *

Наступает
Утро с ветром,
День играет за окном
Мехом, фетром и сукном.

Думается о портном,
Что склонился с километром
Над дорожным полотном.

Шьет он
Осени костюм,
Чтоб не шляться по гостям
Ей сейчас пришло на ум
В одеянии цветном,
А удачно поохотничать,
На болоте поболотничать,
Либо помотоциклетничать,
Или же посамолетничать,
С небесами посекретничать
Все о том же об одном:

Наступает утро с ветром —
День осенний
За окном.

1964

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Вы
Много
Толковали мне,
Повествовали мне давно вы
О некой тайной стороне
Существования земного.

И я подумал:
«Если так, —
Возьму ее и обнаружу!»
И в ход пустил такой рычаг,
Чтоб вывернулось все наружу.

И что ж!
Изнанкой всех веществ
Вскипела всей земли утроба,
Киша изнанкой всех существ
От исполина до микроба.

Дрожь
Пробежала по нутру
Морей, и воздуха, и суши,
И заметались на ветру,
Как шубы вывернуты, души.

Но
Ничего наоборот
Я не нашел и в кислой шерсти,
Вспять не пошел коловорот,
Чтоб уничтожить след отверстий.

Я не увидел
Никакой
Обратной стороны медали:
Охваченные тоской
Не меньше прежнего рыдали,

А те,
Кто были влюблены,
Влюбленно целовались снова.
...Нет оборотной стороны
Существования земного!

1964

КАКИЕ ВАМ СТИХИ ПРОЧЕСТЬ?

Какие вам стихи прочесть?
Могу прочесть стихи про честь,
Могу прочесть и про бесчестье —
Любые вам могу прочесть я,
Могу любые прокричать,
Продекламировать вам грозно...
Вот только жалко, что в печать
Они попали все же поздно.

1964

ВИДЕНЬЯ БОСХА

(ТРИПТИХ)

1

Мне чудится, что жив художник Босх.
Брожу я с Иеронимусом Босхом
Отнюдь не в мире живописи плоском, —
Будь это «Мир искусства» или МОСХ, —
Но в бесноватом, узловатом, хлестком
И жестком, несмотря на внешний лоск,
Реальном мире, что от слез промозг.
Мы по газетным тычемся киоскам,
И радиомембраны говорят,
Где мор, где глад, где города горят.
Там счет потерян трупам распростертым,
И любомудрие летит в костер там,
Где песнопевцы виснут, вопия,
На лирах распяты...

2

— Их видел я! —
Кричит мне Босх. — Но то была моя
Фантазия. Сердца сосет змея!
Мыслители по колбам и ретортам
Рассажены. Но за каким же чертом
Стал явью этот, лет пятьсот назад
Мне, Босху, примерещившийся ад?
Решили строить по моим наброскам
Весь мир? Так что же в сей юдоли слез,
Где розгами к блаженству путь зарос,
Готовится и девам и подросткам?
О, кажется, такой апофеоз

Готовится, что не гожусь я, Босх, вам
И в мальчики!

3

Но дай задать вопрос
Тебе, о Босх, в ответ на твой вопрос к нам:
— Быть может, неизбежное ты, Босх,
Предугадал? И в этом мире жестком
И апокалипсически громоздком,
Быть может, ты, художник, только воск
В руках у жизни?
— Нет, художник — мозг,
Мозг человечества! — кричит мне Босх. —
Его вотще ты сравниваешь с воском,
Он не сравним и с электронным мозгом!
И пусть мои прозренья озарят
Ваш мир аэротрасс и автострад,
Чтоб отцарил палаческий топор там,
И чтоб не стало мрачным натюрмортом
Живое все, и чтобы верил я,
Что ад земной — лишь выдумка моя!

1965

СТАЧКА

Воображение бастует:
Полна словами голова,
Но сердятся и протестуют
Встревоженные слова.

Они взывают: «Добываем
Себе права. А у кого?
Не ты ли сам себе хозяин?
Не у тебя ли самого?»

Но забастовщикам на смену
Слова-штрейкбрехеры спешат,
Но нет, готовы на измену,
Они вопроса не решат!

Не кланяйтесь, голов не гните,
Угодничеством не помочь!
И вы, пикетчики, гоните
Их, унижающихся, прочь!

И в результате свалки, схватки
Штрейкбрехеры побеждены.
Бегут. И добрые порядки
Решительно наведены.

И вновь колеса закрутились,
И, все сомнения поправ,
Слова работают. Добились
Они своих законных прав!

<1966>

ВЕЧНЫЙ ПУТЬ

Сегодня ночью
Виснет Млечный Путь
Над кратером потухшего вулкана,
Как будто хочет с неба заглянуть
В немое жерло этого вулкана,
А может быть, исходит он и сам
Из кратера потухшего вулкана,
Свой звездный хвост вздымая к небесам
Из кратера потухшего вулкана?

Все может быть. Пускай себе горит
Он над вершиной старого вулкана.
Быть может, завтра я метеорит
Найду на склонах этого вулкана,
А может быть, на склоне подыму
Лишь бомбу вулканическую.
В общем
Доподлинно не ясно никому,
Какую бездну мы ногами топчем,
Не ведая, где верх ее, где низ, —
Все так зыбуче, так непостоянно...

Мне кажется,
Что я и сам повис
Над кратером заснувшего вулкана.

<1966>

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Попробуешь
Слова сличить —
И аж мороз идет по коже!
Недаром
«Мучить» и «учить»
Звучат извечно столь похоже.

Но и бывает смысл иной,
Доподлинно необъяснимый:
Казнящий ли владел казной,
Или казной владел казнимый?

Земля и тля. Вина — вино.
Апрель и прель. Мороз и проседь...
Все это будто не одно,
Но от другого не отбросить!

Березка — розга. Лик и лак.
Увечить и увековечить...
Неужто это просто так,
Одна случайность —
Чет и нечет?

1966

СВЕРЛЯЩИЙ ВЗОР

Я стар,
Я струны старых лир
Щиплю негнущимися пальцами.

Я стар,
Я помню старый мир
Со старыми его страдальцами.

Я помню
Вес пудовых гирь
И Русь былую с Китеж-градами,
И помню старую Сибирь
С ее скитальцами номадами,
И старый дом, и старый двор
С доисторической основою...

Но у меня сверлящий взор,
И явственно я вижу новое,
Которое для многих вас
Давно состарившимся кажется.

Я стар,
Но взор мой не угас!

В сознанье ваше не уляжется
Привычная вам новизна,
В которой вы столь слепо шаритесь,
А в чем она и где она —
Поймете, лишь когда состаритесь!

1966

ДНЕВНИКИ

Не странно ли,
Что дневники
Не днем ведутся, а ночами,
Когда мигают ночники
И ходят тени за плечами,
Напоминая, что от них
Не скроешься и за свечами,
Включив ночник,
Строча дневник,
Графленный лунными лучами!

1966

ПОГАСШАЯ МОЛНИЯ

Там,
В лесу,
Когда умчались тучи
И раскаты грома отзвучали,
Будто бы обугленные сучья,
Молнии остывшие торчали.

И одну из них, посуковатей,
Выбрал я и спас от доли жалкой:
Мол, не дам в чащобе догнивать ей —
Буду ей размахивать, как палкой.

Жгучести я больше не нашел в ней,
Но в конце концов и тишь и дрема
Состоят из отблиставших молний
И откувыркавшегося грома!

1966

ВО ДНИ ПЕРЕВОРОТА

Вообразите
Оторопь всесильных
Вчера еще сановников надменных.

Вообразите возвращенье ссыльных,
Освобождение военнопленных.

Вообразите
Концессионеров,
Цепляющихся бешено за недра,
Их прибылью дарившие столь щедро.

Вообразите коммивояжеров
В стране, забывшей вдруг о дамских тряпках.

Вообразите всяких прокуроров,
Полусмиривших свой суровый норов
И как бы пляшущих на задних лапках
Уж не в своих, но в адвокатских шапках.

Представьте на волках овечью шкуру.
Вообразите дикий вихрь газетный
И запрещенную литературу,
Считаться переставшую запретной
Еще впервые!

И представьте город.
Как будто бы расколот и распорот
В часы, когда звенели, звезденели
Расшибленные стекла на панели,
И прыгали с трибун полишинели,

Как будто их сметала и сдувала
Ко всем чертям, ликуя небывало,
Душа народа, вырвавшись на волю
Из самого глубокого подполья
Для вольного и дальнего полета
Во дни Октябрьского переворота.

<1967>

* * *

Не будь
Увядшим гладиолусом,
Все ниже голову клоня,
Не говори упавшим голосом,
Что это все из-за меня.

Я силищей такой могучею
Не помышляю обладать,
Чтоб жгучим зноем, темной тучею
Твою нарушить благодать.

Ты это знала и тогда еще
В начале ветреного дня.
И не тверди мне убеждающе,
Что это все из-за меня!

1967

* * *

Он залатан,
Мой косматый парус,
Но исправно служит кораблю.
Я тебя люблю.
При чем тут старость,
Если я тебя люблю!

Может быть,
Обоим и осталось
В самом деле только это нам, —
Я тебя люблю, чтоб волновалось
Море, тихое по временам.

И на небе тучи,
И скрипучи
Снасти.
Но хозяйка кораблю —
Только ты.
И ничего нет лучше
Этого, что я тебя люблю!

1967

ЕЩЕ НЕ ВСЕ
Я ПОНИМАЛ ГЛУБОКО

Еще существовал
Санкт-Петербург,
В оцепененье Кремль стоял московский,
И был юнцом лохматым Эренбург,
Да вовсе молод был и Маяковский,
И дерзости Давида Бурлюка
У многих возмущенье вызывали,
И далеко не все подозревали,
Насколько все-таки
Она близка.

Но вот
На Польшу
Пал шрапнельный град,
И клял тевтона Игорь Северянин,
И Питер превратился в Петроград,
И говорили: тот убит, тот ранен.
Георгиевские кресты
Посеребрили зелень гимнастерок,
И первые безмолвные хвосты
У булочных возникли:
Хлеб стал дорог!

Я был
Еще ребенком.
О войне
Читал рассказы и стихотворенья,
И было много непонятно мне,
Как толки о четвертом измеренье, —
Куда от мерзкой яви ускользнуть
Мечтали многие из старших классов,

Хотя и этот преграждался путь
Толпой папах, околышей, лампасов.

А я
Не в эту сторону держал,
И даже, нет, не к Александру Грину,
Но гимназический мундирчик жал,
Я чувствовал: его я скоро скину.
Меня влекли надежда и тоска
В тревожном взоре Александра Блока, —
Еще не все я понимал глубоко,
Но чуял:
Революция
Близка!

1967

ИМЕНА МАСТЕРОВ

Гении
Старого зодчества —
Люди неясной судьбы!

Как твое имя и отчество,
Проектировщик избы,
Чьею рукою набросана
Скромная смета ее?

С бревен соструганo, стесано
Славное имя твое!
Что же не врезал ты имени
Хоть в завитушки резьбы?

Господи, сохрани меня!
Разве я жду похвальбы:
Вот вам изба, божий рай — и все!
Что вам до наших имен?

Скромничаешь, притворяешься,
Зодчий забытых времен,
Сруба творец пятистенного,
Окон его слюдяных,
Ты, предваривший Баженова,
Братьев его Весниных!

1967

* * *

Устав
От дрязг
Стальных колес
И рева сопл с небес,
Я радовался:
Удалось
Уединиться в лес.

Но столь роскошно торжество
Безмолвия в лесу,
Что показалось мне:
Его
Я не перенесу!

1967

СЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

О, сельская пленительная ночь,
Ты в Иисуса веруешь Христа,
Иль бога-сына прогнала ты прочь,
Язычница, язычникова дочь,
И вновь перуны встали на места?

Нет! Средь зарниц не стали юны за ночь
Ни старицы, ни сторож-бородач,
Ни новый врач, ни старый школьный завуч,
Когда-то, в прошлом, молодой избач.

И нет русалок, сколько ни рыбачь!

И там, где вырос целый город дач, —
Луна, тугая, как футбольный мяч,
Который в небо закатился на ночь.

— Куда ты задевала соловья?
Ты хоть его, пожалуйста, не прячь!

А ночь в ответ:
— Нет, ни при чем тут я.
Да вот он, здесь, пожалуйста, не плачь!

1967

ЯБЛОКО

Когда
Казалось,
Что от гнева
Мы спор добром не разрешим,
В меня швырнула ты, как Ева,
Прекрасным яблоком большим.

Так сделала ты не из мести,
А по-хорошему гневясь,
И мы расхохотались, вместе
На это яблоко дивясь,
Смеясь, что ты не разрыдалась,
А тем, что было под рукой —
Сладчайшим яблоком, — кидалась
И возвратила нам покой.

1967

КОГДА СТИХОТВОРЕНЬЕ НЕ ВЫХОДИТ

Когда
Стихотворенье не выходит, —
А видите, какая бездна их! —
Не то что стихотворец не находит
Каких-то слов, своих иль не своих, —
О нет! Концы с концами он не сводит
Совсем в другом: не может он понять,
Что в данное мгновенье происходит,
И на слова тут нечего пенять,
И лишь вокруг да около он ходит,
И речь его мутна, пресна, темна...

Когда ж непонимание проходит
И суть вещей становится ясна —
Творимое на музыку походит,
Понятную как будто и без слов.

Тогда
Стихотворенье не выходит
Из молодых читательских голов!

1967

ПЕЧАТЬ МОЛЧАНЬЯ

Я вас зову
На совещанье,
Где я сорву печать молчанья,
Чтоб видели вы наяву,
Как, резко треснув на прощанье,
Нарушится печать молчанья —
Простой сургуч, по существу.

1967

СРЕДИ РЕДЕЮЩЕГО ЛЕСА

Среди
Трескучих
Черных сучьев,
Бормочущих:
«Чего он хочет?» —
Блуждаю я, себя измучив,
А дождик мочит, мочит, мочит...

И эти сучья,
Когти крюча,
В глаза мне ими чуть не тыча,
Рисуют не свое величье,
А все-таки мое обличье.

Развеяна
Листвы завеса,
Но прочь не улетел я с нею, —
Среди редеющего леса
Яснее виден и яснее!

1968

ЛЕНИН И ВСЕЛЕННАЯ

Многое
Связано
С именем Ленина —
Подвиги славные,
Улицы главные...

Может быть,
Будущие поколения
Сделают образ великого Ленина
Явственным и за земными пределами,
И превратятся в понятья межзвездные
Мысли и чувства Владимира Ленина,
Те или эти его размышления,
И для соседей по космосу ценные.

К прописям: Ленин и Человечество,
Четко прибавится:
Он и Вселенная.

1968

КРАСОТА

Мир завистников и злыдней
Все ехидней, все опасней...

Красота все безобидней,
Миловидней и прекрасней.

Чтоб они не смели трогать
И сживать тебя со света,
Покажи им острый коготь —
Будь уверена, что это
И тебя не опорочит,
И мерзавцев озадачит!

А она в ответ хохочет
Так печально, будто плачет.

1968

Я ЗНАЮ, КАКОВА ЛЮБОВЬ

Я знаю,
Какова Любовь.

Когда любовники возлягут
В альков среди ее цветов
Вкусить плодов ее и ягод, —
То это не всегда Любовь!

И что ты там ни обусловь,
Каких ты под любовный купол
Ни подымай колоколов,
Каких ни пой любовных слов, —
И это не всегда Любовь!

И если даже ты нащупал
Средь самых шелковых голов
Парчово-бархатистых кукол
Соболью бровь, как зверолов, —
То это тоже не Любовь!

И если ты не бархат гладил,
Но и с Железной Девой сладил —
Хозяйкой внутренних шипов, —
То это тоже не Любовь!

Ее ты имя не порочь!
Она,
Вся белая от гнева,
Железную ломает Деву,

Отбрасывает кукол прочь
И гонит властною рукою
Твоих врагинь, твоих врагов.
Ты понял, что она такое?

Я знаю,
Какова Любовь!

<1969>

ЗАБЫТЫЙ ЦВЕТОК

О чем
Ты плачешь, подоконник?
Я понимаю: о цветке.
Он от мороза на балконе
Сварился, будто в кипятке.

И тает он, а не блистает:
Так, выброшенная волной,
На берегу медуза тает,
Когда ее снедает зной.

Жара, мороз... О чем тут плакать!
Конечно, одного — мороз,
Другого губит просто слякоть,
Коль дни свои он перерос,
Когда, забытый, стал ненужным,
Сколь ни крутись, ни акробать!..

А впрочем,
Можно и под южным
Июльским солнцем
Прозябать!

1969

ТВОРЧЕСТВО

Когда создаются
Сложнейшие вещи —
Подобия солнц, заменители лун, —
Слова об искусстве все чаще и резче
Звучат в мегафоны с высоких трибун:
О том, чтоб оно точно так же ковалось,
Космической мощи задачи верша...

Но надобно знать, что давно стосковалась
Об очень несложном людская душа:
Чтоб творчество, полное внутренней мощи
И многообразное, как никогда,
Дерзало бы стать по возможности проще,
Как — попросту — солнце,
Как просто звезда!

1969

ВОЛНЕНЬЕ

В области сердечного волненья,
Пусть она невесть какая область,
Доблести сердечного волненья
Даже не считаются за доблесть;
И никто не просит извиненья,
Будь он даже вежлив безупречно,
За свое сердечное волненье —
И волненье это бесконечно;
И почти ничтожны по сравненью
С ним волненье перезревшей нивы,
Или океанское волненье,
Ибо волны все-таки ленивы
По сравненью с этим беспрестанным
И не находящим объясненья
Еле ощутимым ураганом
В области сердечного волненья.

1969

ЛЕНИН

Льстецы изображать его готовы
Едва ли не угодником святым...
Нет! Ленин был характера крутого
И не сулил мечтателям пустым
Чуть ли не завтра Века золотого,
Но, гениальный критик Льва Толстого,
Он даже и с крестьянином простым
Так говорил, как будто с Львом Толстым.
И с каждым добросовестным умельцем
Беседовал любезней, чем с Уэллсом,
Он, вождь, мыслитель, автор мудрых книг,
Рожденных в буре не того ли ради,
Чтоб даже «Философские тетради»
Усвоил позже каждый ученик.

ДОМ ВАЛЬСА

1

Не знаю,
Есть ли в этом интерес,
Как лезу я на вальсовскую крышу,
А Вальс внизу беснуется, как бес:
— Давай слезай! —
Но будто и не слышу.
А в общем Вальс был неплохой старик,
В Сибирь он угадал за непокорство.
Рассказывали, якобы отстриг
Он хвост коню барона Пистолькорса,
Но и в изгнаньи не пропал: гроба
Он мастерил, а после справил мебель
Для губернатора. Сперва — изба,
А после — дом. И возвращаться в Ревель
Не захотелось. Вырос дом второй,
И третий вырос, да еще повыше
Четвертый дом. Лес дешев — строй да строй.

2

И вот сижу на вальсовской я крыше
И с этой крыши озираю мир,
И вижу не какие-то виденья,
А всех жильцов всех вальсовских квартир
И все соседние домовладенья.
Вальс с Вальсихой (пришла ли с ним жена,
Иль позже выписал, как дело было, —
Не знаю я, но помню, что она
По-русски еле-еле говорила)

Имели трех детей. Сын Самуил
Был техником, как мой отец. На службе
Они сдружились, и определил
Он на квартиру к Вальсу нас по дружбе.
А что до младших вальсовских ребят —
Сын Сашка был у них и дочка Маня.
Был этот Сашка очень простоват,
Но получила дочь образованье
И сделалась профессором потом.
Вальс-Вальдес — слышали вы это имя?
Но разговор здесь вовсе не о том,
И я воспоминаньями своими
Делюсь о людях странных, на манер
Живых теней истлевших фотографий.
Я помню фрау Гофман, например,
Служившую на Датском телеграфе,
А рядом с нею два холостяка
Озолин с Никопензиусом жили
Под кровлею того же флигелька,
Но я не помню, где они служили,
Людишки скромные. Зато сосед
У них был удивительнейший: «Дябло-
Пумп-Сепараторами» некий швед
Торгующий.
                    С Европой связь не слабла:
И приезжающие в Край Степной
На службу либо по делам торговым,
У Вальса, не в обители иной,
Под гробовщицким обитали кровом,
Но, не приподымая котелков,
Они кивали Вальсу суховато —
Ведь все ж он как-никак из мужиков,
Да чуть ли и не каторжник когда-то.

3

И сумрачно взор вальсовский мерцал,
Когда порой с отцом моим в беседе
Не только тех жильцов он порицал,
Но и соседей:
— Вот они, соседи! —
Понятно, что не кончит он добром,
Гуляка, завсегдатай ресторанов
И ездящий играть на ипподром
Степной шайтан султан Султан Султанов.
И с Яминой, торговкой мелочной,
Соседкой нашей Вальс не уживался,
Да и Ерыгин, сотник отставной,
Не вызывал больших восторгов Вальса.
Недружелюбно Вальс глядел на них,
Но очи Вальса молнии метали
И на рабочих, на мастеровых,
Что тоже по соседству обитали
В квартале покосившемся, гнилом,
Который называли горожане
Презрительно Копыриным селом.
— О, там с ножами ходят парижане!
Там драчуны живут и голыши!
Ты, Леонид, ходить туда не вздумай! —
Все были для него нехороши.
И так примерно мыслил Вальс угрюмый:
«Зачем бедны? Не копят отчего?
Ведь с ничего и он когда-то начал,
И не было ни гроша у него —
Бедняк, у Пистолькорса он батрачил!»

4

Да, скуп был Вальс. Трудился день и ночь,
Ворчал он, брови рыжие нахмурив:
— Сын Сашка — пьяница, но Марью, дочь,
Послал учиться в Дерпт я, в Тарту, в Юрьев! —

Такой хороший дал ему совет
Не кто иной, а мудрый пастор Гранэ,
Для треб и назидательных бесед
Приход свой объезжавший в шарабане.
Я помню скрип распахнутых ворот,
Как Вальсиха шла пастору навстречу,
И отвечал он, пухл и безбород,
На речь певучую певучей речью.

О, многие я видел чудеса
С той крыши, точно с башни Вавилонской,
И разные звучали голоса —
И русский, и казахский, и эстонский,
И прочие. Была передо мной,
Как вспоминаю явственно теперь я,
Вся перед первой мировой войной
Притихшая Российская имперья.

5

И вот такой однажды час настал,
Гроза такая потрясла затишье,
Что даже Вальс однажды перестал
Чинить заборы, красить краской крыши.
И сам чердак с его уютной тьмой,
Куда сиянье лунное сочилось,
Стал частью Революции самой.
Я вспоминаю, как это случилось:
Тот человек пришел, спросил отца.
В сенях, окутанных морозным паром,
Возникли острые черты лица,
Его узнал я. Был он комиссаром.
С какой он стати к нам пришел? А так!
Тут не было партийной связи или
Родства, знакомства близкого. Колчак
Его преследовал, а мы — укрыли.

Я путь и открывал и прикрывал,
Была лазейка хорошо знакома:
Через амбар и через сеновал
Туда, под крышу вальсовского дома,
Где трубы дымохода, горячи,
Дышали кирпичом, не остывая,
Над комнатой, в которой спал в ночи
Вальс, ничего и не подозревая.
Услышал бы, пожалуй, поднял крик!
Но доносить едва ли бы поперся,
Ведь как-никак, а все-таки отстриг
Он хвост коню барона Пистолькорса.

А впрочем,
Вальс не принял Октября.
Лишившись и доходов и покоя,
Бранился, власть Советскую коря:
— О сатана перекле! Что такое?! —
Но обеспечил ленинский декрет
Ему возврат до Ревеля родного.
И там, почти восьмидесяти лет,
Вальс, говорят, дома построил снова.

<1970>

* * *

Ты видишь?
Через реку вброд
Упорный человек идет
С ведром огромным и пустым
К заречным зарослям густым.

И снова
Через реку вброд
Обратно человек идет
С ведром огромным, и оно
Иной водой полным-полно.

Вода реки
Ему горька,
И он несет издалека
Ведро воды
Из родника.

1970

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Я видел
Много звезд:
Не только стаи,
А табуны их, целые стада,
Скакали, пыль межзвездную взметая.
И звездные я видел поезда,
И звездные я видел города,
Что громоздились, в бездне вырастая.

Но есть такой вечерний час,
Когда
Лишь ты, моя счастливая звезда,
Одна-единственна, плывешь, блистая
В закате, что не весь еще погас,
Когда еще во тьму не утащились
Седые туши тучевидных масс,
Тебя затмить неправомерно силясь,
И серый месяц в дырку неба вылез,
Сиять над миром безнадежно тщась.

1970

* * *

Поэзия
Отчаянно сложна,
И с этим очень многие боролись,
Крича, что только почвенность нужна,
В виду имея только хлебный колос.

Но иногда, в словесном щебне роясь,
И там, где не восходит ни зерна,
Ее мы обнаруживаем,
То есть
Она везде, и не ее вина,
Что, и в земле и в небе равно кроясь,
Как Эребус, венчая Южный полюс,
Поэзия не ребус, но вольна
Звучать с любого белого пятна,
Как длинная и средняя волна,
И на волне короткой весть и повесть!

1970

ЧАСЫ И ВЕСЫ

Обманывают невольно
Меня и добрые друзья,
Но мне от этого не больно:
Обманываюсь, но не я.
Фальшивящими голосами
Поют какую-нибудь чушь,
А я вооружен весами,
Чтоб гири снять с их грешных душ.

Себя обманывают сами
Они, а я готов простить!
Владея верными часами,
Могу их то быстрей пустить,
То чуть замедлить, чтоб успелось
Всему свершиться на земле
И впору наступила зрелость
Плодов и дружбы в том числе.

1970

БЫК ВОСПОМИНАНИЙ

Где-то
Крикнул петел,
Дятел застучал,
Что-то им ответил, сонно замычал
В утреннем тумане, высунув язык,
Бык воспоминаний, крутолобый бык.

Это бык видений.
Подойду к нему
И без рассуждений за рога возьму:
Мол, хвостом помашем, ухом шевеля,
Да и перепашем памяти поля.

Луг воспоминаний
Глухо шелестит,
Плуг воспоминаний на лугу блестит.
Утренние пташки подымают крик,
Но ходить в упряжке не желает бык.

Пусть уж
Трактористы,
Сидя у руля,
Перепашут чисто памяти поля,
Чтоб с лицом эпохи слить природы лик.
А в чертополохе
Водит оком бык...

Бык воспоминаний, выйдя на луга,
Ворошит в тумане памяти стога.

1970

ЗАВЕТ ВЕРЛЕНА

Мне
На заре
Верлен приснился
И, чтобы сон мой объяснился,
Сказал мне русским языком:

— Поэзия — не что иное,
Как похождение шальное,
Когда ты крадешься, объятый
Передрассветным ветерком,
Чтоб мяты аромат и тмина —
Ничто не пролетело мимо
Все остальное — писанина!
Скажи им русским языком!

1970

ДАР ВООБРАЖЕНЬЯ

Вы знаете,
Что значит быть поэтом,
Но молодым еще и с этой целью
Печататься по маленьким газетам
Без подписи, петитом, нонпарелью,
Быть репортером — и на том спасибо:
Ведь для стихов в газетах мало места! —
Описывать открытие Турксиба,
Строительство совхозов Зернотреста,
Не спать ночей, торчать на телеграфе,
Затем засесть без всякого зазнайства
За оформленье автобиографий
Орденоносцев сельского хозяйства,
Не только правя знаки препинанья,
Но и цитируя постановленья...
И дерзко написать воспоминанья
Упорного борца за становленье
Советской власти, будто бы при этом
Ты сам участник каждого сраженья, —
Все потому,
Что, будучи поэтом,
Имеешь чудный
Дар воображенья!

1970

МОКРЫЙ ВЕТЕР

Мокрый ветер
Сады оголяет,
Снеговыми грозя покровами,
А пока что в асфальте гуляют
Отражения вниз головами.

О, гулять у себя под ногами,
На свое отраженье ступая!
Расплываться большими кругами,
Будто только в себе утопая!

Углубляйся в себя, углубляйся,
Сам являйся своим окруженьем,
Но особенно не удивляйся,
Коль в асфальте с другим отраженьем
Вдруг твое отраженье столкнется:
Кто из двух посторонится, друже?

Мокрый ветер как будто смеется.
Серой рябью щетинятся лужи.

<1971>

* * *

А, это ты,
В мечтах своих витатель,
Скрывающийся в эпос, словно в крепость,
Срывающийся в прозу, словно в пропасть,
Кидающийся в лирику, как в реку,
Не слыша ни ку-ку, ни кукареку!

Да, это я —
Эпох соприкасатель
В тоске по галактическому млеку,
Пером неутомимый потрясатель,
Бессонный предрассветный облетатель
Миров, которых надо человеку!

1971

ЗЕМНАЯ НОША

Пронзят
Меня лучами,
И в свете их огня
Вдруг крылья за плечами
Увидят у меня,
Но не заметят ношу,
Которую тащу
И никогда не сброшу:

Она
Мне
По плечу!

1971

* * *

Со смерти
Все и начинается,
И выясняется тогда,
Кто дружен с кем,
Кто с кем не знается
И кем земля твоя горда.
И все яснее освещается,
Кто — прав, кто — прах,
Кто — раб, кто — знать...
А если смертью все кончается,
То нечего и начинать!

1971

ЛУННАЯ ЛЕТЧИЦА

Сумрачный день. Люди тычутся.
Но не рассеется тьма, —
Наоборот, увеличится
К часу, когда электричество
Вдруг озарит все дома,
Домны, дворцы, терема,
С кровлями чьими граничится
Звездная бездна сама.

Но и заснуть не захочется,
Будешь ты в небе ворочаться,
Дрему гонящая прочь,
Звездных письмен переводчица,
Смутных рассветов пророчица,
Лунная летчица,
Ночь.

1971

СИРЕНЬ

Корявая сирень,
Я из твоих ветвей
Не выдолблю свирели:
Нет ничего кривей
Сиреневой сирени!
Нет ничего немей
Ветвей твоих скрещенья!
Зато цвести умей
До звездоизлученья —
Нет ничего прямей
Прямого назначенья!

<1972>

СВЯТОЕ ЧУВСТВО БЫСТРОТЫ!

Пешком
Бредущий по шоссе,
Я видел то, что видят все.

И вдруг очнулся:
Я бегу!
Бежать, как юноша, могу,
И я увидел на бегу, как изменилось все кругом:
Лежащие средь белены в обличье неподвижных масс,
Заволновались валуны, тяжеловесно шевелясь.
И, обратясь ко мне лицом, пробился сквозь чертополох
Божок, изваянный резцом ваятеля былых эпох.
И у обочины шоссе мне показалось, что горит
Огнем росы во всей красе ненайденный метеорит.
А отчего? А оттого, что, и лежачий, иногда
Вдруг чует камень: под него живая катится вода!
О, в мире нет тебя старей, но и бессмертнее, чем ты,
Стремленье двигаться быстрей, святое чувство быстроты,
Чтоб все, привыкшее лежать недвижно по своим местам,
Ликуя, бросилось бежать,
Как за тобою,
По пятам!

1972

САМСОН

О, зной
В шестнадцать тысяч метров вышиной,
Ты встал почти над целою страной,
Зной, с тяжким грузом солнца за спиной!

Леса полузасохшие шуршат,
Они грибами больше не кишат,
И ягоды не видно ни одной,
И только миллионы лягушат,
Как будто бы мигрируя, спешат
Скакать куда-то в мир совсем иной,
Сквозь зной.

Тускнеет синевато небосвод,
Как в керосине вата,
И вот-вот
Он вспыхнет,
Ибо этому виной
Ты, зной в шестнадцать тысяч метров вышиной.

И, весь охвачен углекислотой,
Среди других мифических персон
Под потолком, в углу избы, святой
Застыл великомученик Самсон:

— В июле был десятого числа
Мой день.
Погода ясная была,
А если так — приметы нет верней,
Что и дождя не будет сорок дней.
А коль приметы стыдно брать в расчет,

Так что же ни единый звездочет
Не предсказал, что в этот самый зной
В шестнадцать тысяч метров вышиной
Не обойтись вам без подземных вод,
Без радуги системы поливной!
Ведь я же вас предупреждал добром,
Но вы ни в чох не верите, ни в сон.
Увы, покуда не ударит гром,
Мужик не перекрестится!

О той
Старинной истине твердит святой
Старик великомученик Самсон.

1972

БОРЬБА

Сколько раз я говорил себе,
Что стихи писать я перестану,
Но одумывался: как же стану
Разбираться в собственной судьбе,
В непрерывной внутренней борьбе
Отличая правду от обмана?
Это — как борьба Добра и Зла,
И не помню, чтобы верх взяла
Рифма-кривда, брякнувшая ложно,
Просто так, для красного словца,
Не жалея своего творца.

Слава богу, это невозможно!

1972

ПО ДОБРОТЕ ДУШЕВНОЙ

По доброте душевной
Внимая похвальбе,
Ты чуть ли не царевной
Пригрезилась себе.

По доброте душевной,
Наверно, был и я
Молвою песнопевной
Преображен в князья!

Но палочкой волшебной,
Волнующей умы,
На свой же облик древний
И замахнулись мы,

Чтоб яростный и гневный
Свершить переворот
По доброте душевной
От всех своих щедрот.

Так явью злободневной
Волнуемый народ
По доброте душевной
Всегда свое берет!

1972

ПРОСТРАНСТВО

Пространство —
Щит наш верный и оплот,
От жгучей радиации защита.

До этого, конечно, не дойдет,
Но меж заботами труда и быта
Нам забывать не надо никогда,
Что если вдруг случается беда
И некая сжимается звезда
Там, в небесах, почти что без следа,
Как солнце чье-то, будто навсегда
Сведя к нулю века трудов упорных,
То, может быть, и в этих безднах черных
Народ пространстволюбцев непокорных
По колеям путей нерукотворных
Ведет невидимые поезда,
Везет в цистернах всяких, на моторных
Тележках и дрезинах, и платформах,
Пространство в самых разнородных формах,
Чтоб в результате тяжкого труда
Вновь оживилась съеженная точка,
И появилась снова оболочка
На точке, и добрéла эта кочка,
Где не было ни травки, ни цветочка,
В громаду вырастая из комочка,
Пространством отвоеванным горда!

1972

ТИШЬ

Среди взволнованной воды
От звезд оставлены следы,
Весь плес которыми согрет.

Я знаю: матерьялен свет!

Но и согласен я с тобой,
О, ты в одежде голубой,
Да и какую ни надень, —
И ты не бестелесна, тень.

И нереальна только лишь
Безликая, ни тень, ни свет,
Невозмутимейшая тишь,
Которой нет!

1972

* * *

Где-то почему-то есть священницы.
Это — ново. Это, говорят,
Чуть ли даже и не возвращеньице
В незапамятный матриархат.

И представь себе, что ты священница,
И высокомерно облачись,
Как в сиятельное облаченьице,
В ризы, рыжие от красных лис.

Но смотри не тронь кадила с ладаном
Потому, что ладаном кадить
Принимаемся лишь, если надо нам
Очень уж кому-то угодить.

Так что не трудись возиться с ладаном
И елеем лбов ничьих не мажь,
Потому что нынче стал угаданным
Под елейностью подхалимаж.

1972

ЗОРИ

Так медленно
В мае смеркается,
Как будто под бледной звездою
В купель со святою водою
Земля опускается...

Ей хочется
В чем-то раскаяться,
Чтоб всякая скверна отверглась,
Но надо сначала, чтоб смерклось,
А нет, не смеркается...

С рассветной зарею смыкается
Закатная зорька.
И некогда каяться горько!
Хитро и премудро
Истории зори
Смыкаются.
Свыкается
С вечером
Утро!

1972

УМЕНЬЕ

Взвыл ветер:
— Лампу потушу! —
И потушил.
Но тем не менее
При вспышках молний я пишу.
Осваивается уменье
Писать, когда гроза пришла,
Чтоб в яростном потоке токов
Могла домчаться, как стрела,
Мысль до бумаги.
У пророков,
Мне кажется, расчет был прост:
Свечам и факелам не веря,
Творить при вспышках новых звезд
И новых гроз,
По крайней мере!

1972

ЛЕДНИКОВОЕ ОЗЕРО

Из
Ледникового озера
Речка сочится небыстро.

У ледникового озера
Даже не слышно транзистора,
И ледникового озера ни пейзажист не рисует —
Нет, ледниковое озеро их не интересует.
У ледникового озера
Днем, как и ночью, прохладца,
И ледникового озера люди как будто боятся —
У ледникового озера даже травы не скосили.

О ледниковое озеро, глубже тебя нет в России!

О ледниковое озеро, там, где редеют колосья,
Белоголовое озеро, разве что козье да лосье,
Ты — ледниковое озеро, знаю такие озера,
Бледные, точно молозиво, холодноватые взоры.

Тракторы ходят, бульдозеры
Где-то за горизонтом.
Ты, ледниковое озеро, хочешь остаться нетронутым.

— Брось ты, не жду никакого я
Гостя — ни мотоциклиста,
Ни пастуха! —
Ледниковое
Озеро пусто и мглисто.

Холодно.
Ночь приближается.

Что же!
Единственный вывод
Сделать пора: продолжается
Межледниковый период!

Нет,
Он, конечно, кончается.
Холод, довольно, не властвуй!
Озеро улыбается:
— Все же явился ты! Здравствуй!

<1973>

А МОЖЕТ БЫТЬ...

А может быть, все позади —
И пыль, и дорожная слякоть,
И пепельные дожди,
И цепи, уставшие звякать.
Но делать привал погоди!
Авось и поверишь в иное,
Что, может быть, все впереди —
И солнце, и звезды с луною!

<1973>

СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Старые колеса
Заскрипели вновь.
Старые вопросы —
Петь ли про любовь,
Либо не пристало
Вновь об этом петь,
Ибо отсвистала
Мук любовных плеть!

Темные колеса
Светлых колымаг.
Будто бы с откоса
Канули во мрак,
Но не хорониться
Повалились ниц
Лунные возницы
Звездных колесниц.

И сомнений стражи
В собственных гробах
Понесли себя же
На своих горбах,
Чтоб волнений стражи,
С песней на устах,
Вознесли себя же
На своих крестах.

Старые вопросы...
Росы на кустах,
Осы на цветах...
Старые колоссы
На своих местах!

<1973>

КУСОК НЕБЕС

Меня томили
Сложные вопросы,
Которые поставить я взялся,
И улетел я от житейской прозы
В поэзию, как будто в небеса.

Но не могу смотреть, как на чужую,
На эту Землю, близкую вдали,
И вот с высот небесных нисхожу я
В поэзию, как будто в глубь земли.

И не вини меня в непостоянстве,
О, небо грез, с чьих грозных круч я слез
В предел Земли, которая в пространстве
Не что иное, как комок небес!

1973

ЗАВЕЩАНИЕ

Мы,
Отстранившие
Старого бога на веки веков
И самодержцев земных
В иллюзорных узорных коронах
И превратившие всяких рогатых
И даже крылатых быков
В ряжевых гидробыков
Или даже железобетонных;
Мы, ощущая ущербность старинных,
Ветшающих лун,
Чтоб реактивно кружащихся лун
Породить нарожденье,
Сим завещаем тому,
Кто действительно юн,—
Наши владенья!
Наши владенья мы смело вверяем рукам
Тех, кто, владея наследством
По полному праву,
Вновь возвратит воды — рекам,
Цветенье — цветам,
Небеса — облакам,
И рога и копыта — быкам,
И луга, чтоб исправно они зеленели
У них по бокам,
Чтобы однажды Земля не спеклась
Во единый потухший вулкан,
Не извергающий даже и лаву!

1973

* * *

— Я вижу:
Ты не то что мрачен,
Но озабочен, озадачен...
Скажи, пожалуйста, какой
Ты в этот ясный день охвачен
Неизъяснимою тоской?

— Не знаю!..
Но скорее это
Похоже — как на склоне лета
Поля тоскуют по стогам
И, все еще в листву одета,
Земля тоскует по снегам...

1973

ХЛЕБ

Степь,
Степь, степь!
Степь — это целая цепь
Многовековых тревог.

Едкий кизячий дымок,
Солоноватый комок,
Взятый на пробу в кулак.

Хлеб,
Хлеб,
Хлеб!

Жив, кто посеет хлеб!

Слеп, слеп, слеп
Тот, кто рассеет хлеб!

За тягачом прицеп,
За тягачом прицеп,
Чтоб не пропал хлеб,
Чтоб не упал в снег
Хлеб,
Хлеб,
Хлеб!

1973

ВИДЕНИЯ

Безмятежен сон отца.
Сын не спит: бессонница.
Мать спокойна.
Дочери чем-то озабочены.
Дети стали взрослыми,
Думают родители:
Всякие видения
Мы и сами видели
До вашего рождения...
Особенно —
Вёснами!..

1973

СОНЕТЫ

Сонеты,
Как старинные монеты,
С короткими легендами, литые
Из серебра, а то и золотые...

А впрочем,
Помнишь времени приметы,
Когда писать ты выдумал сонеты?

...Шли на Европу полчища Батыя.
Остро втыкались грозные кометы
В небесных песен звездные отточья,
И было всюду чумно и холерно,
И ты строчил в Палермо поздно ночью,
Так лет пятьсот тому назад примерно,
Чтоб от тревог избавиться, наверно,
Певучие четырнадцатистрочья!

1974

ДУША

И далекого и близкого,
И высокого и низкого сочетанье воедино,
Так ли ты необходимо?

Или от меня ты требуешь одного стремленья в небо лишь,
Будто бы на звездолете?

Или надо успокоиться лишь на том, что в недрах кроется,
О, душа моя во плоти?

Нет! Гляди хоть с неба звездного на огни Баку
и Грозного,

На Тюмени и Надымы, на горенья и на дымы,
И туманы на болоте, и осенних туч лохмотья,
О, душа моя в полете!

Только так и разглядишь его —
Все от низшего до высшего,
О, душа моя в заботе!

1974

* * *

Небо полдня набухало сизой мглой,
Будто, взявши опахало, некто злой
На высокое резное деревенское крыльцо
Нагонял потоки зноя будто прямо мне в лицо.
Знаю! Это не иначе, как из «Слова о полку
Игореве»: вихрь горячий, нагоняющий тоску!
И впервые это слово я как будто до конца
В знойном мареве с резного деревенского крыльца
Понял! Только до конца ли?
И, пылая горячо,
Где-то молнии мерцали, бессловесные еще!

<1975>

* * *

Как
Тихо, чинно, постепенно,
Медлительно и тяжело
Шипучая венчает пена
Волны могучее чело,
Так
До сознания, до слуха
Труднее, чем на небо взлезть:
Подобно колоколу, глухо
Глубинная доходит весть.

<1975>

ЕДИНСТВО

А если
Здраво рассудить,
То все идет своим порядком:
Как мы стремимся рассадить
Цветы по клумбам и по грядкам,
Вот так и нас влекут под сень
Древесных крон, и в степь, и в горы
Какой-нибудь жар-цвет, женьшень
И всецелебность мандрагоры.
И если здраво рассудить,
То, чуя наши бивуаки,
Нас уповают расплодить
Вокруг себя плоды и злаки.
И тем или иным путем,
Но только не топчась на месте,
Мы вместе с ними и цветем,
И суровéем с ними вместе.
И на рабов и на господ
Нас вместе с ними в чистом поле
Не делит солнечный восход,
А звезд мерцание — тем боле!

<1975>

НЕБО

Какое
Спокойствие
В полном
Вестей, предсказаний, примет
И только по виду безмолвном
Пристанище звезд и комет!

1975

ЗАПИСКИ ГИМНАЗИСТА

Я читал
Записки гимназиста
Дней отмены крепостного права,
Все в них было как-то неказисто,
Хоть и грамотно, и не коряво.

Лермонтов, мол, Пушкина уж слишком
Возвеличил, простота святая, —
Так казалось вдумчивым мальчишкам,
Писарева с Зайцевым читая.

Помните вы, быть может:
Поэзия не конфета,
А стихотворенья Фета
Написать могла бы даже лошадь!

Мало писать стихи, надо делать дело!
...Лет через сто или полтораста, или триста
Хорошо вам, юноша и дева, между делом
Почитать записки гимназиста.

Пушкин с Лермонтовым стоят на месте,
И на месте, с Писаревым вместе,
Зайцев с Фетом и курсистка рядом встали.
Словом, все в порядке, честь по чести,
На своем достойном пьедестале.
Не хватает только гимназиста!

<1976>

* * *

Забываются
Не только названья улиц,
Но и старые очертанья самих городов,
И если перед тобой встает какой-нибудь барнаулец
Либо бийчанин былых годов —
Слушай и не перебивай его,
Повествованья не прерывай
Обо всем, о чем помнят лишь А. Караваева
Или художница Е. Каравай.
И пусть, вековечно белы-чернобровы,
Выходят воспоминанья еще пестрей,
Чем их ощущают Коровины и Серовы
Будущих высокохудожественных галерей,
А что до меня — только Обь мне шептала:
«Желта я только после слияния с Иртышом, а пока
Сохраняю я в отблесках только лишь небо Алтая,
Где его пышнотелые горы летят нагишом в облака!»

<1976>

СИЛЫ

Если
Силы небесные
Силятся слиться
Во единую цепь, словно в пламенный цеп, —

При таком обмолоте
Не спится
В заботе
За хлеб!

Суть
Не в споре
С незримым всевышним
О верности гирь на небесных весах —
То ли ветер становится лишним
В спирально-крутых небесах,
Либо лишней становится слишком
Пристрастная к вспышкам звезда,—
Суть в ином.
Агроном! Гидротехники! Что там, в колодце?
А в скважинах? Льется вода?
Ведь и капля в болотце бывает нужна иногда!

Вот когда
Человек,
Если он не оглох и не слеп,
Наводя равновесие, взвесив все «против» и «за»,
Успевает в борьбе не за свой саркофаг или склеп,
А за хлеб!
Вот когда человек протирает глаза!

И тогда
Человек,
Неразумен и прост, как дитя,
Вдруг становится мудро-могуч, как природа сама,
И Коперников старых и новых тогда признает он, кряхтя
От натуги ума!

<1976>

УТРОМ

Утром,
Когда цветы
Едва расцветут,
О дневная тревога, ты
Тут как тут.

Ты и в желтом засохшем листке:
— Ах,
Как ты, негодный, высок,
Будто бы уже на губах
Высох вишневый сок.

Ты в едва заметных еще облаках,
Которые еще не висят
Так, как будто под куполом на руках
Кривляющийся акробат.

Ты и в земле, в которую я
Волей неба еще не лег,
А витаю над ней, властелин бытия,
Будто утренний мотылек.

<1977>

НЕ ЗА ПОМЫСЛЫ МЕНЯ ВИНИ

Допустимо ли
Средь бела дня
Звезд пыланье?

Не за помыслы кори меня
И не за желанья,
Не за бредни ты меня гони
И не за грезы,
И не за поэзию цени,
И не за прозу,
Потому что если б стал смотреть,
Стал бы ждать я,
Только думая тебя согреть,
А в объятья
Не схватил тебя бы, грубоват,
С кровью в теле —

Вот когда бы был я виноват
В самом деле!

<1977>

НА МОЕЙ ПЛАНЕТЕ

И брожу я меж соленых луж,
И как будто вижу я, блуждая,
Что блуждаю как ученый муж,
Зарожденье жизни наблюдая
На тебе, планета молодая!

О, твоя еще взойдет звезда,
Поостынет дикая вода,
Кровь и мед появятся и млеко!
Но когда еще? Еще когда!
Высшая премудрость иногда
Преждевременна для человека,
Как железная руда для питомца
каменного века!

Но ее,
Чтоб подковать коня,
Цепь сковать и зубья для капкана,
В недрах зарождают для меня
Великаны дыма и огня,
Боги металлургии,
Вулканы!

<1977>

* * *

Огромные
Неповоротливые люди,
Вы добродушно вовсе не всегда
Ворочаете сложные орудья
Труда.

Закутанные
В дымы избяные
И копоть фабрик с ног до головы,
В пыли космической шары земные
Упорно перекатываете вы.

И, оставаясь
Бренными из бренных,
Но не покорные своей судьбе,
Ряд Вечностей и множество Вселенных
Вы ясно представляете себе.

<1977>

ЗАКАТ

Когда
В лесу уже темно,
Бывает дерево одно
Зеленопламенным закатом
Оранжево озарено.
Вот так и ты давным-давно,
Когда кругом темным-темно,
В лесу блуждающим закатом
Остался будто бы объят.

<*1977*>

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Деревья,
Снегом аж по всей Руси
Покрытые так пышно и красиво,
Как на немецких святочных открытках,
Я лишь в Ташкенте видывал, когда
Внезапно там настали холода
Лет пятьдесят назад, а не сегодня,
Когда в Японии бушуют снегопады
В связи с похолоданьем Куро-Сиво.

Так иногда случаются событья,
Напоминающие нам о том,
Что уж давным-давно произошло.
Но никогда, ни прежде, ни потом
Нам не вернуться к стаявшему снегу,
Вновь не нырнуть в одну и ту же реку,
И пену с волн былых
Попробуй сбить веслом!

И вдруг я слышу голос:
— Я Иртыш
Былых времен, широк и полноводен,
И если я такой тебе угоден,
Меня таким ты снова сотворишь!
— Я — Волга древней древности!
— А я
Былых цветущих лет Амударья!

И все деревья вдруг на всей Руси —
Сосна и ель, береза и осина,
Как в дни былин, прекрасны. И красива
Земля, танцуя на своей оси!

<1977>

ТЬМА ВОПРОСОВ

И если
Никому не нужный,
Ни с кем не согласован,
Дождь, кутаясь в свой плащ жемчужный,
В дневной ландшафт врисован,
И осень в облачной одежде в туманах нас купает,
И сумерки приходят прежде, чем вечер наступает,
То несмотря на это все же
К нам ночь прийти мы просим позже
и не спешим ложиться
На предназначенное ложе, а ляжешь — не лежится,
Не спится от висков стучащих,
От грез о песнях с неба спетых,
О завтрашних в почтовый ящик опущенных газетах
И о недремлющих комбайнах на нивах предрассветных...

Вопросов тьма!
Больших! Глобальных!
Почти междупланетных!

<1977>

СМЯГЧЕНЬЕ

Когда блистательный художник Время,
Считая, что рисунок слишком резок,
Смягчает яркость красок свежих фресок,
То на себя он принимает бремя
Нападок на упадок в Древнем Риме,
И муть лампадок в песнопевном храме,
И эфемерность карнавальных масок,
И жуть персоны в золоченой раме.
Но если бы оставить яркость красок,
То все пожарники в латунных касках
И голубых огнеупорных робах,
В какой угодно бы набат ударив,
Не подавили бы ужасных зарев
И в южных мглах, и в северных сугробах.

<1978>

* * *

Даже Тихий океан
Успокаивается не сразу,
Умеряя и умеряя прибой,
А человек тем более не может приходить в себя по приказу,
Отданному даже тобой!

И немыслимо
Вдруг позабыть все волненья и все опасенья
Потому, что — подумай, представь себе это сама —
Так свершаются, может быть, землетрясенья:
Вдруг толчок —
И молчок!
И кромешная тьма!

<1978>

МАЧТЫ

Как сосны,
Превращаясь в мачты,
Ждут парусов сто лет подряд,
Так и стихи, порою на́чаты
Лет пятьдесят тому назад,
Точь-в-точь как выросшие в мачты,
Ждут ветра, и дождя, и туч,
А нынче, хоть сиди всю ночь ты,
А делу этим не помочь!

<1978>

* * *

Овидий
В Рим писал в тоске:
Творя на гетском языке,
Я сделался понятен им,
Наивным гетам!

Древний Рим
Пал. И давно не стало гетов.
Забыто множество поэтов.
Но не забыт Овидий, ныне
Звуча не только по-латыни,
А всюду, близко и далече!

По-видимому, Овидий
Не только гетское наречье
Усвоил!

<1978>

* * *

Эй, старик,
Ты можешь петь
Про свободных и рабов,
Про скитальцев-моряков,
Про наяд, попавших в сеть,
Про сирен и про химер,
        Но не надо про любовь
        Напевать, старик слепой!
Впрочем, если хочешь, пой,
Если вправду ты — Гомер!

<1978>

У ДВЕРЕЙ ВЕЧНОСТИ

Весной,
Особенно при свете
Могучих солнечных лучей,
От наблюдающих очей
На волю убегают дети.

Но снова
Там, где соловьями
Полночный воздух освежен,
Мужья мерещатся для жен
Их будущими сыновьями.

И знал
Поэта я собрата:
Шептал своей любимой он,
Что дочерью ему когда-то
Она была во мгле времен.

О страсть,
Кого ни повстречай,
От ввысь взлетающих до падших,
Рассматривать как будто младших:
Знай — пестуй,
Нянчи,
Поучай!

И я,
В дверь Вечности стучащий,
О жизнь моя, чем я старей,
Тебя отождествляю чаще
И чаще с матерью своей!

<1978>

ОДОЛЖЕНЬЕ

Оказывается,
Я существовал напрасно,
Оказывается, ленив был, груб и лжив
В такой огромной степени, что ясно —
Лишь в силу этого я и остался жив!

Оказывается,
Я затерялся между
Твоих премудрых старцев и юнцов,
Которые, презрев меня, невежду,
Забыли погубить в конце концов.

Оказывается,
Не с того я начал,
Да и не тем кончаю, говоришь,
Все перепутал, все переиначил,
И ты негодованием горишь.

Оказывается,
Все мои движенья
Беспомощны... Но с яростью, в слезах,
Не ты ли сделала мне одолженье,
Тебя спасти небрежно приказав!

<1978>

ШАЛАШ

Сквозь шалаш еловый на песке
За гранитной монолитной глыбой
Грезилась плывущая в реке женщина, казавшаяся
рыбой.
А когда всплывала розоветь лиловатая луна над чащей,
В шалаше ворочался медведь,
не по-человечески рычащий!

Я люблю такие шалаши...
Но однажды, по шуршанью судя,
Там расхохотались от души самые обычнейшие люди,
Вообще такие же, как я, только разве что во сне
не бредя,
Будто блещет рыбья чешуя под когтями бурого
медведя.

Но подумать, что за волшебство!
Лунное ли это освещенье
Или солнечное? Отчего сотворились эти превращенья:
Жил медведь медведем, и в своем
Тихом омуте плескалась рыбка,
А глядишь, они уже втроем,
Потому что появилась зыбка!

<1978>

* * *

Все
Дела
Как будто хороши бы,
Если бы не старые ушибы
Заболели,
Синяки на теле заалели,
Да и пальцы что-то заломило,—
Видно, что-то снова им немило,
И лопатки что-то вдруг заныли,
Где у ангелов белеют крылья
И у черта
Тоже два, но черных, распростерто.
Это значит, вот что это значит,
Что опять какой-то шабаш начат
И опять о чем-то сердце плачет,
Но меня уж не переиначат.
Поздно!

<1978>

ГОЛУБАЯ СТОРОНА

Глазастый
Фотоаппарат
Меня подстерегает, рад
Запечатлеть любую черточку,

Но карточку
Швырну я в форточку
И ринусь в голубую сторону,

И встанет
В солнечных лучах
Автопортрет,
Где на плечах
Сидят
По голубю
И ворону!

<1978>

* * *

Холодный ум
Одолевают думы,
Что, от благоразумья далеки,
Не рассуждают леопарды, пумы
И пауки.

Но как к числу бессмысленных причислить
Я не могу тебя, цветок в цвету,
Вот так и Землю неспособной мыслить
Я не сочту.

И неразумными
Считать не будем
Мы тонны книжек, проданных на вес,
И хорошо понятен добрым людям
Зов звезд с небес!

<1978>

РЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Когда в полях тревожно зреет хлеб
И тускло колокольчики трезвонят
Через репей, бурьян и курослеп,
Как будто бы все сущее хоронят,
Влача в лазурно-васильковый склеп,
И кажется, что в мире ничего нет
Сверх ветра, что беззвучно тучи гонит,—
Ты слышишь, чей там голос вновь окреп?
О, это вечный голос тишины.
Как будто бы покоя лишены,
Жужжат, как осы, и гудят, как тросы,
И, как колеса, немо тарахтят,
И ни за что умолкнуть не хотят
В который раз
Решенные вопросы!

<1978>

* * *

А, собственно говоря,
О чем спор?
Мне кажется,
Человек создавался не благодаря
Чему-то, а скорее — наперекор,
А его творенья во всей своей красоте
Становятся явны, пожалуй что, лет через сто,
А самые лучшие стихи — те,
Которые написаны несмотря ни на что.

<1978>

НОЧНОЕ

Этой ночью
Почему-то кто-то,
Может быть, куда не зная сам,
Гнал грохочущие самолеты
По неосвещенным небесам,
По неозаренному, в пылище
Тонущему Млечному Пути,
Близ которого ни городища
И ни пепелища не найти.

Ведь не всюду же вселенский разум,
Мудрую преследующий цель,
Набивает протоплазмой разом
Все отверстия, любую щель,
Ибо только в нашем запустенье
На земле, куда ты ни взгляни,
Все живет: и свет, и тьма, и тени,
И бенгальские огни!

<1978>

ЗЯТЬ И ТЕСТЬ

О ветер,
Дуя издалека,
Моих видений не развеивай!

Я вижу Александра Блока
С его Любовью Менделеевой.

И слышу голос Менделеева:
— Он бедный, Люба, пожалей его!

— Отец! — я слышу голос дочери. —
Как вы ужасно напророчили!

А может быть, и не последовало
Ответа, и не собеседовала
Так дочь с отцом своим, мыслителем.

Он не был лирики хулителем,
Ученый, взорами пророка
Глядевший в недра недр глубоко,
Идущий с веком рука об руку.

Но все же как-то одиноко
Он видел Александра Блока,
Юнца совсем иного облика,

Творца с иной совсем судьбою,
Чем это видим
Мы с тобою!

<1978>

КОВРОВЫЕ СТЕНЫ

Было солнечно, но холодно,
И, влекомая в дома,
Ныла жалобно из пчел одна,
Что ужалена сама.

Но нахально, как хозяйчики,
За поверхностью стекла
Мылись мраморные зайчики
На комоде: — О пчела!
От каких тяжелых дум мрачна,
В мир квартир стремишься ты?
Здесь внутри тепло, но сумрачно,
И цветы здесь не цветы.
А флаконно пахнет ульями
В клочьях пены пыль и прах,
Со столами, и со стульями,
И со стенками в коврах.

<1978>

СТРАЖ

Я,
когда нахожу
черепки чаш
в чистом поле,
Думаю:
— Кто же им страж?
Вечность, что ли?

Я не говорю уж о многих еще не взятых под охрану
государства древних могильных буграх,
То есть о том, что кто-то не занят спасеньем
Тех курганов, где предков своих беспокоим мы прах
По субботам и воскресеньям
Так, что сучья трещат средь дубрав
и в соседних мирах!

О, довольно пылать браконьерским кострам,
И, конечно, теперь уж никто
Не стремится разрушить старинный храм,
Но на радужном озере
Видится мне
Монастырь,
Превращенный когда-то в маяк,
А теперь и на месте маячных развалин
Остается, печален, лишь черный пустырь
и пожравший и камень, и пламень очаг.

Словом,
Есть у Вечности что-то
Всепожирающее
В ясных ее очах,
Будто Вечность такой преотчаянный весельчак,
Что порой и заплакать от смеха охота.

<1978>

* * *

Нередко
Бессмертия ищем
Мы только лишь в прошлом своем,
И молимся мы корневищам
И пнищам осанну поем,
Чтоб после кричать:
            «Мы не мы! Я
            Не я! Ты не ты! Он не он!»

И озаряет немые
И странные сцены
Неон.

<1978>

ВНОВЬ И ВНОВЬ

И, полна
Своею грустью,
Ты взмолилась:
— Извлеки
Грусть мою из захолустья,
Точно якорь из реки!

Но извлек я из потоков
Этих грустных мутных вод
Целый мир электротоков,
Белых светов хоровод,
Да и множество иного
Драгоценного...
Но пусть
Вновь и вновь меня
И снова
Вновь и вновь волнует грусть,
Жадность по невероятным,
Добываемым в борьбе
Обретеньям, непонятным
Даже сразу и себе!

<1978>

ГОНЕЦ

Вот скачет гонец!
Заныло в груди.
— Так, значит, конец?
— Да нет, погоди...
— А что прискакал?
— Другого ищу! —
Кого б не искал,
А я трепещу,
Кричу ему вслед,
Что их не найдешь,
Что дома их нет...

О мелкая ложь!

<*1979*>

ЕЛЕЙ

Я шел по аллее,
И воздух был сух,
И вдруг я елея
Почувствовал дух.
Не ветер с полей я
Вдохнул и с болот,
А будто елея
Какой-то налет.
И все тяжелее,
И все тяжелей
Идти по аллее
Мне было. Елей
Подобием клея
Налип на стогах,
И клейкость елея
Лежала в лугах,
И клейкость елея
Хвалили клещи:
— Милее елея
Веществ не ищи! —
И пели во мгле им
Гнилушки из пней:
— Покрыты елеем,
Мы тлеем сильней! —
И, сил не жалея,
Шагнул я смелей
В завесу елея,
И лопнул елей.

<1979>

* * *

Мне чудилось,
Что все дороги,
Откуда бы не ждать гонца,
Должны сходиться на пороге
Моем, у моего крыльца.

За солнцем и луна садится
В моих лесах, в моих горах,
И только Сатана гнездится
В своем аду, в иных мирах.

Так было все, как на иконах,
На освещенных образах,
Но постоянства нет в законах,
Меняется все на глазах.

И все спокойней год за годом
Внимаю даже и речам,
Что Солнце в гости к антиподам
Гулять уходит по ночам.

<1979>

ЕСЛИ БЫ ВСЕ СТИХИ УДАВАЛИСЬ

Если бы
Все стихи удавались,
То стихотворцы бы стосковались
По неудачам,
Как математики по задачам,
Головоломностью сходным с пятым
Недоказуемым постулатом
Евклида!
И добивались бы, и добивались...

Если б
Не все стихи удавались,
То стихотворцы бы целовались:
— Значит, мы тоже чего-нибудь **значим!**

И никого бы не грызла обида!

<1979>

ПЧЕЛЫ

Я как на страже вечно. Почему же
Я должен быть всегда настороже?

Что ни скажу,
То говорил уже
Когда-то раньше — лучше или хуже!
Но песню что ж тянуть одну и ту же?
И если не всегда на рубеже,
То все же постоянно на меже
Торчу: авось да что-то обнаружу!

Нет! Видно, этот мир стал слеповат,
Не возглашая новые глаголы,
Которые я подхватить бы рад!

Но мир смеется:
«Сам же виноват!» —
И сотни слов, жужжа, язвят
как пчелы.

<1979>

ТАИТСЯ СМЫСЛ ВО ВСЕМ

На наших улицах
Не день ли ото дня
Ужасней и ужасней суетня,
Как будто бы машины без людей
Туда-сюда, как люди без идей,
Лишь тычутся бессмысленно с утра
До ночи нынче, завтра и вчера!
Но это вздор! Таится смысл во всем:
В машинном газе, в девушке со псом
И в мальчике, идущем колесом...

В толченье атомов как будто смысла нет,
Но соразмерен стройный бег планет,
И кто дерзнет, тот станет невесом!

<1979>

ЧЕРНИЛЬНИЦА ЛЮТЕРА

Вновь
Адский гром
Забормотал о чем-то,
И просятся проклятья на уста.

Чернильница,
Которой Лютер в черта
Швырнул, она прольется неспроста!

Чернильница,
Которой в черта Лютер
Сердито запустил в полубреду,
Чтоб не паскудил бес, не баламутил
Благочестивым людям на беду!

Очнулся Лютер,
И чернила вытер
Он с пола, со стены и со стола.

Изгнал он дьявола,
И гнев он свой насытил,
Чтоб добродетель сладко не спала!

<1979>

СВЕЖИ ПРЕДАНЬЯ

Свежи
Преданья об ужах,
И соколах, и о мужах,
Щетинящихся, как ежи.
Свежа история пажа, чья неразумна госпожа...

А! Все истории свежи,
Но все истории свяжи
В одну историю людскую —
Тогда поймешь, о чем толкую!
Все слышал на своем веку я:
Смех изворотливых во лжи
И воздыхания ханжи,
И все это в людской натуре...

Свежа
История ножа,
Застрявшего в звериной шкуре!

<1979>

ВСЕ ЗАМЕРЛО?

Сам
Бес полуденный
Вот так по временам: — Все замерло! —
нашептывает нам...

Все замерло —
И взлетной полосы
Асфальт полуденный, и даже звон осы,

И в море далеко под парусами
Кораблики наперекор волнам.

Все замерло —
Чтоб листья не плясали
В безветрии от собственной красы.

Но не на башне ли под небесами
Двух черных стрел топорщатся усы
На циферблате, удивляясь сами,
Зачем в угоду всяким сатана́м
Недвижными они казались нам.

Все живо
Даже
В мертвые часы!

<1979>

* * *

Когда
Под тяжестью сосульчатого льда
Над миром провисают провода,
Смотри:
За ноябрями декабри
И вслед за декабрями январи —
Одни суются в печь на калачи,
Другие, старые бородачи,
Садятся с внуками за буквари,
А третьи, сущие богатыри,
Румяные от собственной зари,
Копаются в гаражах дотемна,
Чтоб фары воссияли как луна.
А многих путеводная звезда
Влечет на самолеты, в поезда —
Стремятся разлететься кто куда,
Как будто им Вселенная тесна...

Вот так всегда
И настает
Весна!

<1979>

* * *

Надоели
Эти примитивы,
Но попробуй по-иному спеть
Эти три известные мотива:
Голод, Любовь, Смерть!

Он
До новизны был очень падок,
Целый мир перевернуть готов,
И навел совсем иной порядок:
Жизнь, Голод, Любовь!

Может быть,
Что-то изменилось?
Взвизгнула эротова стрела!
Смерть с приятным смехом извинилась,
Отступила и свое взяла.

<1979>

ТЕНЬ ЗНОЯ

Стужа —
Не что иное,
Как обратная сторона зноя, его изнанка,
А сказать, что сегодня холодный солнечный день —
Это значит сказать про тебя, северянка,
Что в венце леденистом
Улыбается солнце,
Чей холод
Не больше,
Чем тень!

<*1979*>

* * *

Кому останутся
Колдобины и пни,
Когда не станет нас?

Тому,
Кому останутся одни
Пленительные праздничные дни,
И блюз, и джаз.

Кому останутся шальные вечера
И лунной ночи месяц-голова?
Тому, кому забыть давным-давно пора
На кой-то черт созвучные слова.
Кому останутся торцы, дворцы,
Зубцы бойниц, прославленных в былом?
Кому достанутся терновые венцы,
А то и шелест лавров над челом?

Кому останутся и лавры и костры,
Кому достанется весь этот ад и рай
И этот и соседние миры?
Тебе, дитя! Что хочешь выбирай!

<1979>

* * *

На прозу навалился я, кляня
Ее невероятное упорство.
Стихи же, будто позади меня,
Стоят и смотрят на единоборство.
Они ничем не могут мне помочь,
Но с ними и во сне и наяву я
Содружествовать буду день и ночь,
Над прозою победу торжествуя!

<1980>

* * *

Ну, вот
И снова я в унынье
И снова на себя грешу,
Что затерялся как в пустыне,
Где ничего не воскрешу.
Слова куда-то улетели,
И, если реют вдалеке,
От них я вижу только тени,
Мелькающие на песке.
Я перелистывал поэмы,
Как будто их писал не я...

Вот так и улетаем все мы
В неведомые края,
Где, сказанные, не годятся
Для повторения слова
И только новые родятся —
Лишь в этом сущность мастерства.

<1980>

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Николаевич Мартынов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор С. В. Музыченко
Художественный редактор Н. Д. Викторова
Технический редактор В. А. Преображенская
Корректор С. В. Мироновская

ИБ № 4753
Сдано в набор 18.08.86. Подп. в печ. 28.01.87. А02839. Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 16,1. Уч.-изд. л. 10,76. Тираж 50.000 экз. Заказ № 533. Цена 1 р. 30 к.
Изд. инд. ЛХП—194

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РОССИЯ
Л. МАРТЫНОВ